

ЛЕТО ПРИДЁТ ВО СНЕ

ЗАПАД

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ЕЛИЗАВЕТА САГИРОВА

18+

Елизавета Сагирова
Лето придёт во сне. Запад

«Автор»

2018

Сагирова Е.

Лето придёт во сне. Запад / Е. Сагирова — «Автор», 2018

Недалёкое будущее... На Земле отгремела третья мировая война. Россия, оставшись в числе победителей, вновь нарекла Русью и с целью не допустить прежних ошибок, опустила железный занавес между собой и остальным миром. У власти встала православная церковь, которая вернула своему народу духовные скрепы и традиционные ценности. Больше нет алкоголизма и наркомании, безработицы и преступности, блуда и безнравственности. Но, как известно, за благополучие одних всегда платят другие. Это не повествование о великой борьбе и обязательной победе, это рассказ маленьких людей попавших в жернова Истории...Содержит нецензурную брань.

© Сагирова Е., 2018

© Автор, 2018

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Запад

И теперь я знаю, что там, за дверью в лето,
Это место для тех, кто выжил в зиму и осень.

«Чиж и Со».

«Лето»

Глава 1

Обрыв

Машина, дожидавшаяся нас на берегу, была великолепна – огромная, блестящая и чёрная как ночь; тёмные стёкла в мельчайших деталях отражали плывущие по небу пушистые облака. Отразили они, к сожалению, и меня за секунду до того, как один из гориллоподобных мужиков, что молчаливо сопровождали Ховрина всю дорогу, распахнул заднюю дверцу. Отражение мне совершенно не понравилось: опухшее, измазанное засохшей под носом и на губах кровью, растрёпанное, в лохмотьях красного платья и красных же чулок. Последнее почему-то расстроило меня больше всего: эти остатки былой роскоши сейчас выглядели до ужаса пошло.

Мужик попытался затолкать меня на заднее сиденье, но я упёрлась ногой в порог, а руками ухватилась за дверцу. Не потому, что и впрямь таким образом наивно надеялась избежать заготовленной мне участи: просто совсем не сопротивляться было бы как-то неправильно. Подумала даже закричать, но вспомнила, что при нашей высадке из катера на причале присутствовали какие-то люди, и они не обратили ни малейшего внимания на четырёх мужиков, волокущих избитую девчонку. Вряд ли мои крики произведут на них больше впечатления.

А в следующую секунду на помощь держащему меня мужику подоспел второй, вдвоём они очень легко подавили моё символическое сопротивление, и я оказалась в машине, при этом сильно впечатавшись лицом в бархатистую обивку заднего сиденья. Невелика беда – лицо всё равно давно онемело.

В унисон хлопнули дверцы. Мне придали сидячее положение, стиснули с двух сторон. Слева сел один из конвоиров, и я даже не имела ничего против этого: по крайней мере, к нему можно было привалиться, чтобы продолжать держаться вертикально. Но вот справа оказался Ховрин, который даже не приближался ко мне во время поездки на катере. Впрочем, наивно было надеяться, что он и дальше намерен не докучать мне своим обществом.

Вблизи мой теперь одноглазый недруг выглядел ещё хуже. Он явно чувствовал себя плохо; возможно, испытывал боль, что и неудивительно, учитывая неприятную красноту и припухлость, которая начинала расползаться по его лицу из-под повязки. Ну ничего, тут мы, можно сказать, на равных: мне тоже больно.

Через босые ступни (кроссовки у меня почему-то отобрали вместе с рогаткой) в тело передалась еле заметная вибрация. Я не сразу поняла, что это бесшумно завелась машина, на передние сиденья которой сели ещё двое сопровождающих Ховрина дуболомов. Стёкла этого, несомненно, очень дорогого авто были прозрачны как слеза, я увидела за ними синее спокойное море, белый причал и катер, на котором мы приплыли. Потом пейзаж покачнулся, сдвинулся в сторону – машина разворачивалась, собираясь уезжать.

Внезапно на мою щёку обрушился удар. Не знаю, насколько сильный: способность чувствовать боль изрядно притупилась за последние дни, – но достаточный для того, чтобы моя голова запрокинулась, а зубы лязгнули.

Ховрин бешено смотрел на меня единственным покрасневшим глазом:

– Что, тварь, молчишь? Правильно, молчи, пока можешь. Недолго осталось, скоро запоёшь на все лады! Знаешь, куда я тебя везу?

Смотреть на его лицо было неприятно, и я опять скосила глаза за окно, там, впереди, под чёрный капот убегала серая дорога с редкими кустиками травы на обочине, а справа тянулось море. Мне захотелось повернуться и посмотреть, что находится с другой стороны машины, но голова снова запрокинулась от удара. В ухе зазвенело. Сквозь этот звон я не сразу расслышала, что шипит мне в лицо Ховрин, стиснув пальцами мои щёки и брызгая слюной.

– ...комната в подвале, и ты там будешь первой! А стены этой комнаты – последним, что ты увидишь! Но смотреть на них тебе долго не придётся. Рассказать, что я сделаю в первую очередь?

На этот раз отвернуться мне не дала сжимающая лицо рука, но глаза я всё-таки отвела: куда лучше видеть кусочек неба и кусочек моря за окном, чем искажённое бешенством, трясущееся лицо Ховрина. А неба там теперь стало больше, чем моря: машина шла на подъём.

– В первую очередь я сделаю с тобой то же, что ты сделала со мной! Выну тебе глаз. Но я буду делать это медленно, чтобы ты хорошо прочувствовала, как это – с глазом расставаться! Потом выдеру тебя во все дыры. А когда мне надоест тебя драть, тебя выдерут мои парни. А когда и им надоест – я выну тебе второй глаз!

Я смотрела в окно. Теперь там совсем не осталось моря, одно небо. Синее, глубокое, с плывущими по нему величественными горами облаков. Вот было бы здорово, если после смерти не окажется никакого ада или рая, если я просто превращусь в такое облако и буду неспешно плыть по небу, нежась в лучах солнца... На секунду я очень ясно увидела землю с огромной высоты. Синюю блестящую морскую гладь, зелень и желтизну береговой полосы, серую ленту дороги, карабкающуюся в гору. Вроде такие дороги зовутся серпантином? И кажущуюся сверху очень маленькой чёрную машину, мчащуюся по этому серпантину опасно близко к краю...

– А что я буду делать с тобой дальше ещё не придумал, – продолжал шипеть Ховрин, вдавливая пальцы в мои щёки. – Но одно могу обещать – умрёшь ты очень не скоро. А когда, наконец, сдохнешь, я отправлю твои глаза Доннелу в банке с формалином, пусть порадуетя!

Прозвучавшее имя Ральфа потрянуло меня коротким ознобом. Начиная с момента, когда я, в последний раз гуляя по Оазису, решила закончить свои затянувшиеся мытарства, прыгнув из окна ховринского «люкса», мне удалось научиться думать о себе в прошедшем времени. А за дни, проведённые в тёмном подвале, куда меня приказала запереть Ирэн, эта способность только закрепилась. Я уже не считала себя живой, не надеялась на спасение, и желание у меня осталось лишь одно – чтобы всё поскорее осталось позади и наступил долгожданный покой. Но сейчас Ховрин, возможно, с помощью угроз, а возможно, напоминанием о человеке, который немало для меня значил, сумел пробить брешь в моей отрешённости. И мне стало страшно. Я наконец-то начала в полной мере осознавать, на что себя обрекла роковым выстрелом из рогатки.

Наверное, в моих глазах отразилось это понимание, потому что Ховрин вдруг убрал руку, чуть отстранился, словно любуясь произведённым эффектом, и широко ухмыльнулся.

– А знаешь, как именно я достану твои глаза? – спросил он тихим, почти ласковым тоном. – Очень аккуратно, чтобы не повредить и отправить Доннелу в целостности и сохранности: он же должен узнать глаза своей маленькой сучки, правильно? Так вот, сначала на веки ставится...

Машину слегка потрянуло. Я оторвала заворождённый взгляд от шевелящихся, как дождевые черви, губ Ховрина и увидела, что море снова появилось в окне, чуть-чуть, снизу. Совсем рядом, как если бы правыми колёсами машина ехала над ним по воздуху. Вот ещё чуть-чуть в сторону, совсем незначительный поворот...

Решение пришло мгновенно, и так же мгновенно отреагировало на него тело. Словно внутри меня распрямилась туго натянутая пружина, давно ждущая своего часа. Словно я снова стреляла из Пчёлки, зная, что выстрел этот – последний и решающий, только на этот раз сама была и снарядом, и тяжами, и безжалостной рукой, направляющей выстрел в цель.

Ни Ховрин, ни его молодчики не успели среагировать, когда я змеёй метнулась вперёд, между двумя передними сиденьями, обеими руками вцепилась в руль и, повиснув на нём всей тяжестью, вывернула вправо. Только водитель издал нечленораздельный вскрик, судорожно попытался выровнять тяжёлую машину, но и он опоздал. Капот резко подался в сторону, передние колёса на миг зависли над пустотой, а потом автомобиль накренился и с глухим металлическим стоном рухнул с обрыва в море.

Удар о воду не показался мне страшным. Куда хуже было до этого, когда машина, врезавшись передним бампером в крутой откос под дорогой, кувыркнулась через крышу, попутно с торжественным звоном растеряв все стёкла. Я этого не видела: в момент первого удара меня швырнуло назад, на сиденье, прямо на Ховрина, который сдавленно вопил. Потом сбоку навалилась пахнущая одеколоном тяжесть, и я оказалась зажата между двумя мужскими телами, что наверняка и спасло мне большую часть здоровья, а возможно, и жизнь. Раздался ужасающий скрежет: машина упала на крышу, проехала ею по камням, пока не достигла того места, где откос вертикально обрывался в море. Тут наступили мгновения, как мне показалось, удивительной тишины и невесомости, в которой парили я, мои конвоиры и Ховрин в обрамлении сияющей на солнце россыпи битого стекла – картина, достойная быть запечатлённой в памяти навечно. Затем раздался громовой всплеск, автомобиль содрогнулся в последний раз и начал вперёд капотом погружаться в зелёную морскую воду...

Погрузиться целиком ему не удалось: глубины у берега хватило только на то, чтобы скрыть передние окна вместе с водителем и пассажиром, так что не знаю, погибли ли они от удара, или, не сумев выбраться, захлебнулись уже в воде. Так или иначе их я больше не видела. Мне вода добралась до глаз, но, не будучи пристёгнутой, я легко сумела потянуться вверх, удерживая голову на поверхности. Волны прибоя, накатывая одна за другой, покачивали погружившуюся почти вертикально искорёженную машину, и мне понадобилось время, чтобы даже просто разобраться, где верх, а где низ, не говоря уже о поиске пути к спасению. Беспомощно барахтаясь в тесном пространстве, отплёвываясь от плещущей в нос и рот воды, я наконец сумела упереться ногами во что-то, позволяющее занять более-менее устойчивое положение и оглядеться.

Первое, на что наткнулся взгляд, – безумный, выкатившийся из орбиты единственный глаз Ховрина почти вплотную к моему лицу. Я в панике подалась назад, снова окунулась с головой в воду, ухватила руками за что-то мягкое и податливое, вынырнула и чуть не закричала, увидев, что держусь за безвольное тело мужчины, недавно сидящего слева от меня. Его голова, ставшая сейчас неправильной формы, лицом вниз покачивалась на воде, медленно приобретавшей розовый оттенок.

Оттолкнувшись, я сумела встать коленями на спинку переднего сиденья, оказавшуюся теперь внизу, ладонями упёрлась в искорёженный потолок. Заднее стекло на удивление цело, только покрылось густой сеткой трещин, и выбраться через него не представлялось возможным. К счастью, боковые окна, скрытые водой лишь наполовину, были совсем рядом. Для того чтобы выбраться в одно из них, мне пришлось бы переползти через бездыханное тело мужчины, за которое я только что цеплялась, но это не казалось мне непреодолимой задачей. Неприятно, не более того. Живой он был куда страшнее.

И я уже примерилась, как половчее подтянуться, чтобы сделать это, не порезавшись многочисленными осколками, торчащими из рамы, когда сбоку раздалась перхающая натужная звуки.

От неожиданности мои руки дёрнулись, ладони скользнули по потолку, и я в третий раз окунулась в солёную розоватую воду. Вынырнула, ошарашенно моргая и трясая головой. Забавно устроена психика – за какие-то секунды я успела напрочь забыть про Ховрина, главную причину моих злоключений. А ведь он всё это время был рядом, единственный, кроме меня, выживший в тесном плене искорёженного металла. И так же, как я, тратил массу усилий просто на то, чтобы держать голову над водой. Вот только давалось ему это явно тяжелее.

По лицу недруга стекала кровь, и было непонятно: не то его просто порезало осколками разлетевшегося рядом бокового стекла, не то он ранен серьёзнее. Повязка, до этого прикрывающая выбитый мною глаз, теперь ослабла, сбилась на лоб и не давала разглядеть, что же там с его головой. Пустая глазница смотрела страшно и угрожающе, тогда как уцелевший зрачок, наоборот, пялился на меня с нескрываемым страхом. Казалось, Ховрин пытался что-то сказать, но из раззявленного рта вырывались лишь хрипы и бульканье.

Я замерла в неустойчивом положении, не зная, что собирается делать враг. Хочет ли просто поскорее выбраться отсюда, или его цель – я? Почему он не предпринимает никаких действий, а только беспомощно сипит, вытягивая подбородок вверх, над колышущейся поверхностью воды?

Несколько долгих секунд я провела в немыслимом напряжении, ожидая, что вот-вот Ховрин протянет руки и ими, холодными и мокрыми, схватит меня, притянет к себе, стиснет горло... Но время шло, а этого не происходило. Не происходило вообще ничего, и тишину разбитого вдребезги затопленного салона нарушали только плеск волн да хрипы моего недруга.

Наконец я позволила себе прийти к выводу, что если Ховрин до сих пор ничего не предпринял и не сделал никаких движений, кроме вращения глазом и хлопанья губами, то и бояться нечего. Возможно, при падении машины с обрыва он благополучно сломал себе позвоночник и теперь частично парализован, а может, ему зажало ноги: в любом случае у меня не возникло желания нырять, чтобы проверить это. И, почти сразу снова забыв про Ховрина, я перевела взгляд на разбитое боковое окно – намеченный мною путь к свободе. Он был совсем рядом, и единственной преградой к нему служила покачивающаяся на воде разбитая голова одного из ховринских молодчиков. Но, решив, что её можно будет использовать как опору, я потянулась вперёд и решительно ухватила руками за ошестинившиеся осколками края окна. В конце концов, в моём положении несколько порезов на ладонях и теле – небольшая цена за спасение. Мёртвый мужик ткнулся макушкой мне в грудь, и я сжала зубы, приготовившись одним рывком вытолкнуть себя наружу, заранее втягивая живот в страхе перед стеклянными зубами теперь уже мёртвого автомобиля...

Хр-р-ра-а-а... – донеслось сбоку, но на этот раз я даже не вздрогнула, просто повернула голову.

Мутный глаз Ховрина больше не вращался бессмысленно в глазнице, а смотрел прямо на меня, губы вытягивались вперёд, словно для поцелуя, из горла доносился настойчивый непрерывный хрип.

Медленно отпустив окно, я замерла в нерешительности. Разве можно сейчас просто взять и уйти? Не пора ли уже научиться доводить начатое до конца? А то, что я начала и не закончила в роскошном пентхаусе Айсберга, волне возможно и логично завершить сейчас.

Наверное, Ховрин что-то прочитал в моём взгляде: его глаз выпучился сильнее, заметался из стороны в сторону, как пойманная в ловушку крыса. Хрипы стали громче, вода вокруг шеи заволновалась, но ни его руки, ни другие части тела так и не показались на поверхности, благодаря чему я окончательно убедилась в полной беспомощности моего врага.

Что ж, тем лучше.

Я чуть сместилась влево, придвинувшись к Ховрину, и он, оскалив зубы, занудел надрывно, на одной ноте:

– Н-н... Н-на-а-а...

Неотрывно глядя в его единственный глаз, я думала о том, что, наверное, нужно что-то сказать, как-то поставить точку в наших с ним непростых отношениях, дать понять, что победа в итоге осталась за мной. Да-да, за простой девчонкой, которую он не рассматривал ни как возможного противника, ни даже как человека.

«Жалеешь о том, что связался со мной? – хотела спросить я. – Жалеешь, что год назад в ресторане не выбрал другую? Что не отцепился от меня, когда проиграл аукцион? Что не успокоился, даже потеряв глаз? Надеюсь, что очень жалеешь, потому что ты мог остаться в живых и ещё несколько лет пить коньяк и курить сигары, пока твоё дряхлое тело само не отказалось бы тебе служить».

Но этого я ему не сказала. Не сказала вообще ничего: любые прозвучавшие сейчас слова были бы глупыми и ненужными. Может быть, в фильмах такое и выглядит уместно, но и то лишь потому, что рассчитано на зрителя. А нам с Ховриным слова не понадобились: мы поняли друг друга и так, будто в эти минуты установилась между нами неуловимая, но неразрывная связь, сделавшая нас почти одним целым. По крайней мере, я ощутила страх и боль Ховрина, его беспомощную ярость и отказ верить в происходящее, так ясно, словно всё это было моим... Должно быть, ненависть способна сблизить людей не меньше, чем любовь.

В последний момент перед тем, как я протянула руки и положила их на поросшую редкими седыми волосами голову Ховрина, выражение его лица изменилось. Непримируемая злоба уступила место мольбе, а протест – пониманию.

– Н-не-е... – задрбезжал он, бешено вращая глазом, но я уже подалась вперёд, перенося вес тела на руки, погружая его лицо под воду, и дребезжание сменилось бульканьем.

Сколько времени продолжались судорожные рывки под моими ладонями? Вряд ли долго, учитывая, что Ховрина наверняка изрядно покалечило ещё при падении машины с обрыва, но для меня эти секунды растянулись до бесконечности. Руки онемели от усилий, которые я прикладывала, чтобы не дать голове врага показаться над водой. Такие усилия были лишними, хватило бы и куда меньшего, но я до дрожи в мышцах давила вниз, с омерзением ощущая под ладонями колючие волосы и шершавую кожу, желая только того, чтобы всё это скорее закончилось. И постепенно пузыри воздуха, вырывающиеся на поверхность из-под моих рук, стали совсем маленькими пузырьками, а потом и вовсе исчезли. Вода ещё колыхалась, но я чувствовала, что это уже не сопротивление, а просто судороги умирающего тела. Тем не менее, преодолевая отвращение и непонятный страх, начавший закрадываться в сердце, я дождалась, пока не стихли и они.

Когда в разбитом салоне вновь воцарилась тишина, нарушаемая только плеском волн снаружи, я медленно вытащила руки из воды и оставилась на них, почти уверенная в том, что после содеянного они изменились. Но ладони остались прежними: бледными, дрожащими, уже начинающими сморщиваться от влаги, – на них не оказалось не смываемой крови или прилипших волос, ничего, говорящего о том, что было совершено этими руками минуту назад.

Я не сдержала судорожного всхлипа, на миг обморочно прикрыла глаза, а когда открыла, то увидела, что затылок Ховрина, как бледная медуза, медленно поднимается из воды...

Думаю, мне даже повезло, что я так испугалась. Не пришлось осторожничать, выбираясь наружу сквозь разбитое вдребезги окно. Вместо этого я скользнула в него рыбкой, одним движением покинув мёртвую машину, и даже не оцарапалась осколками стекла. С головой погрузилась в морскую воду, но на этот раз не со страхом, а с облегчением. Вода здесь была уже не розовой, но, как и положено чистой морской воде, – прозрачной, чуть зеленоватой, звонкой. Вынырнув и панически махая руками, я устремила к берегу. Проехала животом по торчащему со дна камню, неловко нащупала босыми ступнями дно, оказавшееся неожиданно близким, выпрямилась в воде по пояс. Оглянулась.

Багажник машины возвышался из пологих прибрежных волн, подобно чёрному надгробному памятнику. Он не опустился на дно, не всплыл на поверхность, и даже Ховрин не лез

наружу в окно, выискивая меня своим единственным глазом, как я успела вообразить за те секунды, что отчаянно гребла к земле. Ховрин остался внутри, мёртвый. Мёртвый ли?

Не чувствуя под собой ног, оскальзываясь на илистых камнях, я выбралась из воды и без сил опустилась на узкую полосу гальки, отделявшую море от обрыва. Над головой с жалобными криками проносились чайки, совсем как в оставшемся где-то за морем Оазисе. Шум прибоя и посвист ветра над волнами тоже были привычны до обыденности, и я никак не могла осознать, что нахожусь уже совсем в другом месте. На материке. На свободе.

Тело, начавшее сохнуть под ровным бризом, вместе с каплями воды теряло и незамеченное до этого онемение. Ко мне возвращалась боль. Не только в разбитом лице, но и новая, обретённая, надо думать, при падении. Ныла спина, не сильно, но очень глубоко и въедливо. Опухая на глазах, пульсировало правое колено. Гудела голова, и, проведя ладонью по лбу, я без удивления обнаружила на ней кровь.

Мокрое красное платье, и до этого пребывавшее в плачевном состоянии, казалось, вот-вот просто расплзётся по швам. От таких же красных в сеточку чулок остались лишь жалкие ремки, болтающиеся на лодыжках. Я с досадой сорвала их и бросила в прибой.

Наверняка следовало задуматься о том, куда я могу пойти в таком виде, кроме как прямоком в полицию, но сейчас меня куда больше волновало другое. Перед внутренним взором всё ещё стояли тёмная вода внутри салона разбитого автомобиля и зловеще медленно поднимающийся из неё затылок Ховрина. Ничего больше я увидеть не успела, но и этого хватило, чтобы сейчас не иметь возможности думать о чём-то другом. Конечно, голова моего недруга могла всплыть просто потому, что я перестала давить на неё ладонями, или, может, в тот момент волна чуть побольше и посильнее других качнула машину, потревожив мертвеца, вот и... Но я не могла отделаться от мысли, что Ховрин не умер и что сейчас он сидит на прежнем месте, поднимая вверх окровавленное лицо, жадно хватая губами воздух и ожидая помощи. И помощь, несомненно, придёт. Рано или поздно люди в одной из проезжающих наверху машин увидят разбитый автомобиль в прибрежных волнах.

В отчаянии я заломила начинающие мёрзнуть пальцы и тоскливо посмотрела на плещущийся у ног прибой. Снова идти в воду, плыть к машине, заглядывать в одно из окон, чтобы проверить, действительно ли я покончила с Ховриным, сил не было. Но и просто уйти, не узнав правды, я не могла. Не могла потом изо дня в день ожидать нового его появления в моей жизни. Уж он-то точно не пустит всё на самотёк и разделается со мной в следующий раз, если я дам ему такую возможность. Но пугала меня даже не угроза для жизни, а неизвестность. Я боялась, что Ховрин превратится в вечно преследующую меня тень, что отныне он будет в каждом тёмном углу, за каждой закрытой дверью, он станет бесшумно ступать за мной по безлюдным дорогам и заглядывать в окна по ночам... если сейчас я не поставлю на всём этом жирную точку.

Я поднялась, застонав и застучав зубами, в полном ужасе от того, что мне предстоит снова приблизиться к зловещей машине, чуть не ставшей моим гробом. От того, что я могу увидеть внутри неё. От того, что мне, возможно, придётся лезть внутрь и снова держать под водой отвратительную ховринскую голову...

Но я не успела осуществить задуманное. Наверху, над обрывом, раздался приближающийся шум мотора, и я, мгновенно вспомнив, где и в каком виде нахожусь, метнулась от воды к каменной стене обрыва, прижалась к ней, замерев. Машина наверху приближалась, судя по звуку – на приличной скорости, и я уже начала надеяться, что она проследует мимо, но внезапно почти у меня над головой взвизгнули тормоза, и шум мотора заглох. Хлопнули дверцы. Раздались возбуждённые голоса.

Стараясь по возможности держаться вплотную к укрывающему меня склону, я затрусилась прочь, подальше от места происшествия. Но уже через десяток шагов правое колено, уже опухшее до безобразия, отчаянно разболелось. Зашипев сквозь зубы, я попыталась продолжить путь медленнее, припадая на одну ногу, но к боли в ноге внезапно добавилось сильное голово-

кружение, а с ним накатил такой приступ тошноты, что меня скрючило в три погибели. Опустившись на корточки, я принялась содрогаться в рвотных позывах. Желудок мой пустовал уже несколько дней, поэтому наружу выплеснулось лишь немного морской воды, которой я наглоталась при погружении, но и этого хватило, чтобы силы окончательно покинули меня. Голова продолжала кружиться, небо и море менялись местами, и я, внезапно потеряв интерес ко всему на свете, опустилась на мокрую гальку, внезапно показавшуюся мне мягкой как перина...

В жизни всё повторяется дважды,
Но в виде драмы только однажды,
А во второй раз насмешки вроде бы,
В виде пародии, только пародии.

Эти строчки всплыли из глубин моей памяти, когда я пришла в себя и обнаружила, что лежу в постели, в одиночной палате, с полным отсутствием одежды на теле и перебинтованной головой. Совсем как два года назад, в клинике Оазиса. Дежавю оказалось так сильно, что первым сделанным мною движением было судорожное ошупывание лица. Я почти верила в то, что обнаружу на нём плотную повязку, прикрывающую свежие раны, но пальцы наткнулись на тёплую кожу. Испустив невольный вздох облегчения, я уронила руку на постель и уже спокойнее стала вспоминать всё недавно произошедшее. А чем больше вспоминала, тем больше преисполнялась уверенности в том, что, вопреки продолжающим вертеться в уме стихотворным строчкам, вместо предсказанной ими пародии, мне предстоит ещё одна драма. Возможно, она же – заключительная.

Если я оказалась в больнице (а где же ещё?), то здесь явно не обошлось без полиции. А если вспомнить, что изначально мы с Яринкой попали в Оазис именно с лёгкой полицейской руки, то можно ли исключать повтор такого варианта развития событий? Может ли полиция ближайшего к острову города быть в курсе этого соседства? Скорее всего, да.

Хотя, с другой стороны, чем мне это может грозить? Возвращением в Оазис? Но теперь, когда Ховрина нет в живых, его мести можно не бояться, а Ирэн вряд ли захочет уничтожить вернувшийся в её собственность товар. Ей будет выгоднее меня подлечить и продать новым владельцам, как она и грозилась сделать изначально. В этом, конечно, нет ничего хорошего, но я хотя бы получу отсрочку. И может быть, из того места, куда меня продадут, сбежать будет легче, чем из Оазиса?

Но тут память подсунула мне на удивление чёткое и объёмное изображение искорёженного автомобильного салона, затопленного отвратительно розовой водой. Я прогнала его усилием воли до того, как успела снова увидеть поднимающуюся на поверхность голову Ховрина, но прогнать последующие за этим мысли было не так просто.

Что, если Ховрин не умер? Что, если его сумели спасти? И что, если, едва придя в себя, он вспомнит о том, кто устроил случившуюся автокатастрофу и кто потом пытался его добить?

Белая, как и всё в этой палате, дверь приоткрылась. Меня опять захлестнуло чувство дежавю, и я бы совсем не удивилась, увидев входящую Машуту или нашего доктора. Но вошедший, хоть и был, судя по халату, несомненно, доктором, всё же оказался мне незнаком. Пожилой сухопарый мужчина остановился на пороге, слегка удивлённо глядя на меня. Я тоже смотрела на него, ожидая хоть каких-то новостей, но гость ограничился сухим замечанием:

– Ожидалось, что ты придёшь в себя позже.

И с этим он развернулся, явно собираясь уходить, чего я допустить никак не могла:

– Подождите! Сударь! Скажите, где я?

Мужчина обернулся через плечо. Помедлил, но ответил:

– В городской больнице. Тебя обнаружили на месте автокатастрофы. Автомобиль, в котором ты ехала, упал с обрыва в море.

Ай, спасибо, дорогой, очень ценная информация! Я уже открыла рот, чтобы задать новый вопрос, много новых вопросов, но вдруг поняла, что не знаю, о чём спрашивать и зачем вообще это делать. Спросить, как называется город, в котором находится больница? А какой мне прок с его названия? Спросить, что будет со мной дальше? Но врач – это не оракул, вряд ли он предскажет моё будущее. Спросить о состоянии моего здоровья? Но, судя по самочувствию, я уже знаю, что всё не так уж плохо, как следовало бы ожидать после всего случившегося. Да и смысл беспокоиться о здоровье, когда на кону жизнь?

И я спросила только одно. Даже не спросила, а произнесла одно слово:

– Полиция?

Доктор по-совиному моргнул. Он смотрел мне не в глаза, а на правую щёку, и я вдруг осознала, насколько дико выглядит моё разрисованное сосновыми лапками лицо и тело здесь, за пределами Оазиса. Интересно, что подумали люди, обнаружившие меня?

Наконец доктор ответил так же кратко, как я спросила:

– Полиция в курсе.

И вышел.

Я прикрыла глаза. Ну вот. Разумеется, найдя на месте смертельной аварии столь диковинную птицу, полицейские не могли остаться безучастны. И наверняка некоторые из них, те, кто положением повыше да знают побольше, сообразили, откуда взялось такое чудо. Да и доктор не задал мне ни одного вопроса, не проявил ни малейшего участия. Уже знает, откуда я и куда вернусь? Или ему просто велели не интересоваться странной пациенткой, которая всё равно долго здесь не пробудет? В любом случае такая отстранённость тоже о многом говорит, и значит, в ближайшее время мне стоит ожидать возвращения в Оазис.

Я покосилась на окно. Попробовать убежать? Но даже если по счастливому стечению обстоятельств моя палата расположена на первом этаже, далеко ли я убегу голая? А если разорву простыню и сооружу из неё что-то вроде тоги, убегу ли хоть чуть-чуть дальше?

И я решила просто ждать. Увы, бывают ситуации, когда ничего другого просто не остаётся.

В течение ближайшего часа ко мне зашла нянечка, принесла еду. И еда, и нянечка являли собой такой поразительный контраст с похожими событиями двухлетней давности, что моё дежавю разбилось на тысячу осколков. Вместо ослепительной блондинки Машуты – хмурая женщина с унылым пучком бесцветных волос, ещё не пожилая, но странным образом выглядывавшая почти старухой из-за бремени забот на лице. Вместо исходящего ароматным паром обеда со свежими фруктами на десерт – вязкая серая овсянка и остывший несладкий чай.

Всё это женщина молча поставила на стол. Не на маленький сервировочный столик на колёсах, что были в клинике Оазиса, а на громоздкое, с металлическими ножками и поцарапанной столешницей, старинное чудовище в углу. Выпрямилась, посмотрела на меня.

– Здравствуйте. – Я попыталась улыбнуться как можно более доброжелательно, но получила в ответ лишь мрачный кивок.

Женщина тяжело зашагала к дверям.

– Простите, сударыня. – Я предприняла ещё одну попытку. – Мне нужно поговорить с доктором, можно его позвать?

– Ещё чего! – буркнула нянечка неожиданно зычным протяжным голосом. – Будет он к тебе по вызову бегать! Жди вечернего обхода, ты здесь не одна.

– Но у меня особый случай! – заторопилась я. – Я попала в аварию и...

– И что? – перебила женщина. – Думаешь, только ты попала в аварию? Это травматология, милочка! И ты не самая тяжёлая из больных.

– Но... – Я не могла придумать, как пробиться сквозь эту плохо скрытую враждебность. – Но... мне действительно срочно! Погибли люди, и, возможно, мне тоже угрожает опасность...

– А вот с этим пусть полиция разбирается, – не дрогнула тётка. – А наше дело маленькое.

Я начала злиться:

– Хорошо, тогда скажите доктору, что мне стало хуже! Он обязан прийти и оказать помощь.

Женщина по-хозяйски облокотилась о дверь, окинула меня насмешливым взглядом, в котором, однако, сквозило любопытство.

– И откуда же ты такая расписная да нахальная свалилась? Иностранка, что ль? Так не похоже. Да и забрали бы тебя уже отсюда, иностранку.

– Заберут, – буркнула я, ловя себя на том, что смотрю куда угодно, только не на эту серую, как пыль, женщину. В Оазисе я так привыкла видеть вокруг себя только красивых и нарядных девушек, что её вид был просто физически неприятен.

Возможно, нянечка это почувствовала, заговорила уже откровенно враждебно:

– Вот и жди, пока заберут. А здесь права не качай. Нашлась, цаца!

Дверь захлопнулась, и я снова осталась одна. Невесело задумалась. Зла на нянечку не было. Если она говорит правду (а обманывать ей незачем), то здесь наверняка и впрямь полно других больных, между которыми она мечется, как белка в колесе, целый день. В конце концов, это не маленькая клиника Оазиса, где с одной-единственной пациенткой носились как с писаной торбой. Что ни о каком милосердии, конечно, не говорило – всего лишь забота владельца о функционале своей собственности, – но всё-таки болеть там было куда приятнее.

К еде я не притронулась: выглядела она слишком уж неаппетитно, а я, надо признать, привыкла кушать вкусно и в куда более приятной обстановке. Зато сумела встать, дойти до окна, выглянуть на улицу, но и там меня не ждало ничего утешительного. До земли оказалось метров семь, а внизу серел унылый больничный дворик с чахлыми кустиками и старыми скамейками. Ни пальм тебе, ни павлинов...

Было пасмурно, часов в палате не наблюдалась, и какое-то время я развлекала себя тем, что пыталась угадать, сколько времени провела без сознания. Там, у моря, когда я сидела под обрывом, гадая, покончено ли с Ховриным, солнце клонилось к закату. Но сейчас снова день, и выходит, что я проспала весь вечер и всю ночь. А значит, и ждать уже недолго.

Словно в ответ на эту мысль дверь приоткрылась, и я вновь увидела на пороге доктора. Но на меня он не смотрел, да и выглядел иначе. Вежливая, даже заискивающая улыбка теперь гуляла на его губах, а голос, которым он обратился к кому-то, кого я ещё не видела, звучал еле слышно:

– Проходите, прошу, она здесь. Может, подать каталку?

Послышались приближающиеся шаги, и я напряглась всем телом, вцепившись в край одеяла, но стараясь держать перебинтованную голову гордо поднятой. Кто бы ни явился за мной, Ирэн ли, полиция ли, но моего страха им не видеть. Не дождутся.

Но в дверях появился худой парень с почти наголо бритой головой, одетый в гражданское.

– Каталку? – переспросил он у доктора. – Разве она не встаёт?

Я вздрогнула при звуках его голоса – настолько знакомым он мне показался.

– Встаёт, встаёт! – засуетился доктор. – Просто я подумал, что вам будет удобнее...

– Нет, спасибо! – отрезал молодой человек. – Оставьте нас пока.

– Да, конечно. – Доктор торопливо прикрыл дверь, и мы остались со странным гостем наедине.

Двумя большими шагами он приблизился к моей кровати и спросил своим очень знакомым голосом:

– Как ты, бэби?

– Бранко?!

Глава 2

Бранко

Это действительно был Бранко. Бранко, вытащивший из ушей и носа свои многочисленные колечки. Бранко, одетый в простые бежевые брюки и серую рубашку. Бранко, сбравший свой яркий разноцветный гребень волос...

– Ты?! Как... откуда...

– Всё потом! – Бранко бросил на мою постель бумажный пакет. – Одевайся. Надо уходить.

– Что? – Я не двигалась.

Появление Бранко само по себе стало полной неожиданностью, не говоря уже о разительной перемене в его внешности, и мне было трудно осознать происходящее.

Увидев, что я не спешу выполнять его распоряжение, парень с раздражением схватил принесённый пакет и, вытряхнув из него что-то серое и мешковатое, протянул мне:

– Одевайся! Каждая минута дорога, всё объясню по дороге.

Я машинально взяла поданный наряд, хотя нарядом назвать это можно было с большой натяжкой. Просторное серое платье с глухим воротником и длинными рукавами. Не того жемчужно-серого оттенка, каким бывает море в пасмурный день и каким был в Оазисе мой дебютный костюм, а тускло-серое, цвета пыли и мышей. Надевать такое совсем не хотелось, но Бранко смотрел нетерпеливо, и что-то в его взгляде, некая смесь страха и решимости, на дали мне послушаться. Я даже забыла про стеснительность, когда выскользнула из-под одеяла и начала торопливо натягивать унылое платье через голову. Да и чего уже стесняться: разве Бранко не имел в своё время возможность рассмотреть меня с ног до головы? Тем более что смотреть он не стал, а встал у окна, тревожно выглядывая на улицу.

– А обувь? – Я невольно поджала пальцы на ногах. – Я босиком...

Бранко досадливо прищёлкнул языком.

– Обувь внизу, потом обуешься. Ты готова? Пошли.

Он решительно ухватил меня за локоть и повлёк к двери, но я упёрлась.

– Подожди... куда? Меня разве выпустят?

– Раз я здесь, значит, выпустят! – Бранко уже не скрывал испуга. – Да шевелись уже! Или хочешь остаться здесь и дожидаться Ирэн?

Имя Ирэн встряхнуло меня, я перестала упираться, и через секунду мы оказались в коридоре. Там мялся доктор. Оживился при виде моего спутника.

– Всё хорошо, сударь? Это... хм... то, что вы искали?

– Да, эту девушку я и искал. – Бранко сунул руку в нагрудный карман, достал несколько сложенных купюр, сунул доктору. – Спасибо за помощь, нам пора.

Тот часто закивал, засеменял вслед за нами, словно боялся, что мы лишь притворяемся, будто уходим, а сами намерены схорониться где-нибудь в уголке.

От быстрого спуска по лестнице у меня опять заболело ушибленное колено, но сбавлять темп я не стала: мне уже передалась нервозность Бранко и его желание быстрее убраться прочь. Мы никого не встретили в этой большой, безликой, как казарма, больнице, и через какое-то время выскочили в такой же безликий двор, на который я недавно смотрела из окна. Бранко за руку потащил меня вдоль серой стены, за угол. И там нас ждала машина.

Совсем не такая машина, как у Ховрина, о нет! Гораздо меньше и явно намного дешевле.

– Садись! – Бранко торопливо занял место водителя, распахнул передо мной дверцу с пассажирской стороны.

Я торопливо села, поджала босые ноги под сиденье.

Автомобиль завёлся с простуженным фырканьем, его ощутимо затрясло. Опять же – полная противоположность ховринской машины, двигавшейся плавно и бесшумно, как большой корабль.

– Пристегнись! – бросил мне Бранко, и я непонимающе уставилась на него. Увидела ремень, наискосок перетягивающий грудь парня, обнаружила такой же справа от себя, завозилась с ним, не понимая толком, что делать.

– Дикарка... – необидно вздохнул Бранко, протянул одну руку, не отрывая взгляда от дороги, и помог мне.

Машина выехала из больничного двора и понеслась по широкой дороге среди множества других машин, поражающих своим разнообразием. Я завертела головой.

– Как себя чувствуешь, бэби? – Бранко тревожно покосился на мою перебинтованную голову. – Как вообще тебе удалось спастись? Джип Ховрина всмятку...

Я беспечно пожала плечами. Сейчас меня куда больше занимал город, разворачивающийся по обе стороны дороги. Дома, газоны, разноцветные витрины, люди, много людей! А далеко над крышами, в самом небе – белая башня с тонким полосатым шпилем, подпирающим низкие тучи.

– Что это? – зачарованно спросила я, уставившись на строй вертикальных зданий, бесконечным рядом этажей возносящихся ввысь.

– Это, бэби, город Новоруссийск, – ответил Бранко. – Бывший Новороссийск, если тебе это о чём-нибудь говорит.

Кое о чём мне это говорило. Я знала, что многие города в стране были переименованы после Христианской революции, и про Новоруссийск, конечно, тоже слышала. Вроде как здесь должен быть большой порт?

Словно в ответ на эту мысль между домами блеснула под пасмурным небом серая морская гладь. Я вытянула шею.

– Тебя что, совсем не интересует, куда мы едем? – не выдержал Бранко. – Или то, как я тебя нашёл, и почему именно я?

– Интересует. – Я кивнула, не отрывая взгляда от панорамы за окном.

Слева разворачивался бесконечный причал с выстроившимися вдоль него стальными кораблями. Эти корабли были совсем не похожи на лёгкие катера и яхты, к виду которых я привыкла в Оазисе. В них чувствовались суровая мощь, сила, способная преодолевать расстояния куда большие, чем те, которыми ограничивалась моя жизнь.

– Так, может, тогда уже спросишь о чём-нибудь? Пока едем, у нас есть время на краткие объяснения.

С трудом оторвавшись от фантастической картины, я попыталась собраться с мыслями. Разумеется, вопросы у меня были, но их накопилось слишком много, и сейчас они теснились на языке, мешая друг другу.

– Ну... зачем ты сбрил свой... свою причёску? – спросила я наконец, пожалуй, самое глупое и бесполезное, что только можно было спросить.

Наверное, Бранко думал так же, потому что демонстративно закатил глаза:

– Бэби, а как ты представляешь меня с радужным ирокезом среди местного православного люда?

– Какого люда? – хихикнула я, но тут же восторженно охнула, увидев на воде причала приближающийся к берегу гигантский корабль, такой огромный, что казалось, будто на воду положили боком одно из тех многоэтажных зданий, мимо которых мы недавно промчались.

– Я тебе сейчас твои бинты на глаза натяну! – разозлился Бранко. – Ты можешь не отвлекаться?

– Могу. – Я заставила себя перевести взгляд на моего спутника. – Но почему ты просто не надел какую-нибудь кепку? Не жалко было всё сбривать?

Бранко со вздохом глянул в зеркало заднего вида на своё отражение.

– Жалко. И если бы всё ограничивалось одной вылазкой в город, то, конечно, надел бы кепку и не парился. Но боюсь, наше путешествие несколько затянется.

Последняя фраза сумела меня заинтриговать и отвлечь от удивительного Новоруссийска.
– А куда мы едем? Как ты меня нашёл? И зачем искал? От кого мы убегаем?

Плотина прорвалась, вопросы хлынули потоком. Бранко выслушал их с довольным видом человека, добившегося своего, а дождавшись, когда я иссякну, степенно изрёк:

– Если ты не против, начну по порядку. Только будь добра смотреть на меня, а не в окно.

Я с готовностью кивнула, но начать разговор по существу нам так и не удалось. Неожиданно Бранко замер, странно вытянув шею, чертыхнулся и так резко бросил автомобиль вправо, что я вжалась в сиденье.

– Э, ты чего?!

– Тихо, бэби. – Голос парня стал серьёзным и напряжённым. – Эх, промедлили мы с тобой...

– Почему? – машинально спросила я, но, кажется, уже начала догадываться.

Бранко всё увеличивал скорость, благо, на узкой улочке, куда мы свернули, других машин пока не было. Увеличивал и косился в зеркало заднего вида.

– Погоня? – Наверняка в моём голосе прозвучало больше восторга, чем испуга. Погоня на машинах по большому городу! Я думала, что такое бывает только в кино!

– Она самая. – Бранко сделал ещё один резкий поворот в совсем уже небольшой проулок и удовлетворённо кивнул сам себе. – Если он не заметил, куда мы свернули, не найдёт.

– Он? – Я вдруг поняла, что ожидала погони только в лице Ирэн. – Кто он?

Вместо ответа Бранко выругался: переулок заканчивался тупиком, плотно стоящими гаражами, за которыми возвышались деревья. Мы затормозили так резко, что от падения лицом на «бардачок» меня уберёт лишь заботливо застёгнутый моим спутником ремень безопасности. Бранко в сердцах ударил кулаком по рулю и обернулся назад. Я последовала его примеру. Переулок был пуст.

– Вот что, бэби. – Парень торопливо распахнул дверь. – Вылезай, быстро! Дальше придётся пеш...

Он оборвал себя на полуслове, выпрямился, сунул руку в карман, и я увидела в его пальцах маленький плоский пистолет. Не успела ничего спросить: сзади раздался приближающийся шум мотора.

Следующие секунды у меня заняла отчаянная борьба с ремнём, расстегнуть который я так и не сумела и просто выползла из-под него вниз по сиденью. Дверь тоже не желала поддаваться: пришлось вылезать через соседнюю, которую Бранко оставил открытой. Когда же, наконец, я оказалась снаружи, чужой автомобиль уже стоял рядом, а его водитель встретил меня довольным кивком. Это был бородатый мужчина лет сорока, и в первый момент я его не узнала, но потом он воскликнул:

– А вот и сама Дайника! – И этот голос сразу всплыл из глубин моей памяти, снова вызвав дежавю. Это его я слышала два года назад вместе с голосом-колокольчиком Ирэн, когда плыла по молочной реке беспамятства, в первый свой день в Оазисе.

– Уходи, Карл, – напряжённо сказал Бранко, подтверждая мою догадку. – Уходи и передай Ирэн, что ни я, ни Дайника не вернёмся в Оазис.

– Бранко, Бранко... – Карл разочарованно покачал головой. – Ну зачем тебе всё это? Что за игру ты ведёшь и чего хочешь? Только не говори, что внезапно проникся жалостью к этой бедняжке и решил спасти её. Таких бедняжек у нас целый остров, и раньше ты в желании кого-то спастись замечен не был, сладенький...

– Не называй меня так! – Бранко приподнял руку с пистолетом, и Карл торопливо отступил, успокаивающе поднимая перед собой ладони.

– Тихо, тихо! Я без оружия. Не ожидал, знаешь ли, что у нашей дикарочки вдруг появится защитник. Вообще никаких насильственных методов не планировал, предполагалась, что она сама охотно вернётся со мной в Оазис...

– С чего бы это?! – резко спросила я, перебив бородача. То, что за мной приехал он, а не Ирэн, странным образом успокаивало.

Карл перевёл взгляд на меня и слегка пожал плечами:

– А куда тебе ещё идти? Я ехал сказать, что у нас к тебе больше претензий нет, ведь всё упиралось в Ховрина, это он пылал жадной мести, и мы вынуждены были пойти ему навстречу. А теперь, когда Иван Сидорович почил в бозе, то и отвечать не перед кем.

Сначала я даже не поняла, какой такой Иван Сидорович в чём почил, но постепенно до меня дошло, и долгий облегченный вздох невольно сорвался с губ. Это не укрылось от внимания Карла, он тонко улыбнулся.

– Да, сударь Ховрин приказали долго жить, и, сказать по совести, вряд ли найдётся тот, кто станет о нём горевать. На острове так просто праздник, девчонки ликуют.

Это я могла понять. Воображение уже нарисовало льющееся в бокалы шампанское и радостные голоса девушек, которым больше не придётся с ужасом ждать, на кого в следующий раз упадёт выбор садиста. Мне даже захотелось туда, в уютный домик, к набитому вкусами холодильнику, мягкому дивану и смеху соседок... Только разве один Ховрин был там садистом?

– Дайника не вернётся в Оазис, – твёрдо повторил Бранко, возвращая меня к реальности. – Уходи, Карл.

– Послушай. – Заместитель Ирэн нервно переводил взгляд с меня на моего спутника. – Ты же тоже можешь вернуться, и мы забудем об этом неприятном инциденте. Всё будет как раньше. Если, конечно, ты ещё не успел сообщить Доннелу...

Я вскинула голову:

– Ральфу?!

– Вернись в машину! – резко бросил мне Бранко и снова махнул пистолетом на Карла. – А ты дай нам проехать!

Но ни я, ни Карл не двинулись с места. Я – потому что после того, как услышала имя Ральфа, боялась упустить хоть слово, Карл же ещё не терял надежды меня вернуть. Сказал, не обращая внимания на Бранко:

– Подумай, куда ты пойдёшь? Ни родных, ни документов у тебя нет. Тебя просто арестуют за бродяжничество, попадёшь в тюрьму, а остаток жизни проведёшь в общежитии при какой-нибудь фабрике!

Я вспомнила наш разговор с пьяной Аллой в рождественскую ночь и нервно рассмеялась:

– А у вас лучше? Обслуживать мужиков до потери товарного вида, а потом – в расход? Это лучше?!

Карл посмотрел на меня оскорблённо и кротко, всем видом демонстрируя обиду таким необоснованным обвинением. Покачал головой:

– Клиент у тебя будет только один, Дайника, и, насколько мне известно, до сих пор ты против него ничего не имела. Доннел возвращается.

Я невольно подалась вперед, ближе к Карлу, хотела переспросить, но в ту же секунду на моё плечо легла ладонь Бранко. Его голос звенел от ярости:

– Складно заливаешь, сутенёр! Теперь понимаю, почему ты один приехал. Не сомневался, что уболтаешь девочку и заберёшь с собой? А что дальше, Карл? Думаю, ты бы её даже на остров привозить не стал, скинул бы в море где-нибудь на полпути, да?

Карл снова попробовал изобразить оскорблённую невинность, но его глаза пылали злобой, досадой хищника, уже из самых когтей которого вдруг вырвали добычу. И я шагнула назад, прижалась плечом к Бранко.

– Не дури... – попытался возобновить уговоры Карл, но Бранко нацелил пистолет ему на ноги.

– Я не стану убивать тебя, сутенёр, – ровно сообщил он, – Но клянусь, что прострелю коленную чашечку, если ты прямо сейчас не уберёшь свою колымагу в сторону и не дашь нам уехать.

– Зачем тебе это?! – Карл оскалился, но начал медленно отступать к машине. – Хочешь лизнуть задницу Доннелу? Думаешь, ему так дорога эта дикарка? Думаешь, он отблагодарит тебя?!

– Думаю, что, наконец, делаю то, что давно должен был сделать, – почти весело ответил Бранко. – Так и передай Ирэн. Бэби, садись в машину.

Я двинулась было к приоткрытой дверце, но, уже взявшись за ручку, обернулась. Посмотрела в тёмные глаза Карла. И словно со стороны услышала свой голос, громкий и торжествующий:

– Это я убила Ховрина!

Карл приоткрыл рот – словно круглая мышинная норка возникла в густой бороде. Бранко уставился на меня, его рука с пистолетом опустилась.

– Это я вывернула руль в обрыв! – Не знаю почему, но мне было важно, чтобы Карл, а за ним и Ирэн, узнали правду. – Я сделала так, что машина упала в море! Ховрин остался жив и жил бы дальше, но я утопила его! Утопила своими руками! Как вы топили в Русалкиной яме девушек, которые отказывались вам подчиняться!

Карл смотрел на меня во все глаза, и Бранко, пришедший в себя первым, рывкнул:

– Проваливай же, ну!

На этот раз ствол пистолета поднялся выше, уставился в грудь заместителю Ирэн, и тот всё-таки сел за руль, но, пока не захлопнул дверь, я успела крикнуть:

– А если я ещё раз увижу Ирэн, то убью её тоже! Я убью её!

Бранко положил руку мне на плечо и надавил, заставляя сесть в машину, но я успела заметить, что Карл по-прежнему, открыв рот, тарашится на меня во все глаза. И это внезапно доставило мне такое удовольствие, что ради него я бы согласилась утопить Ховрина ещё раз.

– Ты, правда, сделала это? – спросил Бранко после продолжительного молчания.

Мы миновали центр города и теперь мчались по зелёному частному сектору. Море с его стальными кораблями и портовыми кранами тоже осталось позади, зато теперь справа от нас вырастали горы, и это было удивительно. Я никогда не видела гор. Вокруг Маслят во все стороны до горизонта тянулись сопки, но невысокие и пологие, густо поросшие тайгой, – при всём желании язык не повернулся бы назвать их горами. Здесь же горы оказались настоящими, суровыми. Серые и скалистые, они круто возносились над Новорусийском, опять заставив меня забыть о насущных проблемах.

– Что? Ты про Ховрина? – Я чуть повернула голову к Бранко, но не оторвала взгляд от окна. – Да, я убила его. Кажется, он уже был серьёзно ранен, двигаться не мог, и я сунула его голову под воду и держала, пока... в общем, пока не перестал шевелиться. Правда, потом мне показалось, будто он поднимается из воды, но, наверное, это были просто волны.

И, сказав это, я вдруг испытала невыразимое облегчение. А ведь и правда – всё кончено! Ховрин мёртв, он никогда больше не появится в моей жизни, он не будет идти за мной по пустым дорогам, не будет прятаться в тёмных углах и за закрытыми дверями, не будет заглядывать в окна... Этот человек исчез навсегда. И комната в его подвале, про которую он мне рассказывал и которая должна была стать последним, что я увижу, – останется пустой.

Я откинула голову на спинку сиденья и впервые за долгое время от души улыбнулась, глядя на серые горы под серым небом и наслаждаясь дуновением ветра, залетающего в приоткрытое окно.

– Да, бэби, а тебе, оказывается, палец в рот не клади, – заметил Бранко после продолжительной паузы. – Молодец, конечно. Я боялся, что не сумею тебя вызволить от Ховрина, но эту проблему ты решила сама. Только зачем Карлу об этом рассказала?

Я пожалала плечами. Сейчас и сама не понимала, зачем. Но тогда слова сами сорвались с языка и удержать их было невозможно.

– А что? Пусть знает. И Ирэн... Как думаешь, он расскажет ей?

– Обязательно расскажет, – кивнул Бранко, но выглядел при этом мрачным.

– Считаешь, не надо было говорить? – спросила я, не столько встревожившись, сколько желая вернуть Бранко прежний беззаботный вид. – Разве станут они мстить за Ховрина? Карл так даже рад вроде был.

– Не знаю. – Бранко тоже пожал плечами. – Может, и не станут. Но такие вещи лучше всегда держать при себе, бэби.

– Зови меня Дайкой, – попросила я, немного подумав над его словами, но не обеспокоившись. Ощущение того, что всё сделано правильно, осталось со мной.

– Хорошо. – Бранко усмехнулся. – Дикая Дайника. Мне просто не терпится рассказать Доннелу, как ты сделала то, что хотел бы, но не смог сделать он.

Ральф! Как я могла забыть, что и Карл упоминал его? Значит, Бранко и Ральф...

– Вы знакомы?

– Да, – небрежно подтвердил парень. – Я, Ральф, Ирэн, Карл... мы все здесь лишь гости. Иностранцы. А иностранцы у вас на Руси обычно держатся одной кучкой, даже если не испытывают друг к другу тёплых чувств.

Я попыталась представить Бранко, Ральфа, Ирэн и Карла в «одной кучке» и затрясла головой. Поэтому следующим спросила то, что волновало меня больше остального:

– Бранко, тогда ты, наверное, должен знать. Ральф, правда, не смог приехать... или не захотел?

– Не смог, – сразу ответил парень, спокойно и уверенно. – В политике сейчас творится такое, что сам чёрт ногу сломит, даже я запутался, поэтому и пытаюсь что-то объяснить не стану. Просто всё вдруг стало намного сложнее, в том числе пересечение границ. Вот Ральф не приехал в обещанный срок, только перевёл деньги за тебя ещё на полгода.

Я забыла про горы, величественно плывущие мимо, и уставилась на Бранко.

– Как – деньги перевёл? Но Ирэн сказала, что денег нет, поэтому я должна работать, как все... Поэтому был второй аукцион, и меня купил Ховрин!

Бранко поморщился, словно собираясь плюнуть. Не плюнул, только крепче сжал руль, и в его голосе зазвучала плохо сдерживаемая ярость:

– Не поэтому. А потому, что Ирочка у нас жадная и злопамятная курва. Деньги действительно запоздали немного, но пришли ещё до того, как был открыт аукцион. По правилам заведения она должна была всё отменить и оставить тебя в покое. Но рядом уже крутился Ховрин, обещавший за Дикую Дайнику не меньшую сумму. Вот Ирэн решила и рыбку съесть и... кхм... в общем, сыграть на два фронта. Взять у Ховрина деньги за ночь с тобой, а потом сказать Ральфу, что его перевод пришёл уже после.

Я помолчала, пытаюсь осмыслить то, что услышала. Снова потрясла головой:

– Так это что... уже было известно, что в аукционе победит Ховрин?

– Да не было никакого аукциона! Получив деньги от Ральфа, Ирэн не стала открывать аукцион, ведь Доннел увидел бы это на сайте Оазиса. Просто продала тебя Ховрину. Думала, что сможет потом оправдаться перед Ральфом, тем более что неизвестно, когда он в следующий раз сможет попасть на Русь, и сможет ли вообще. Она же не думала, что ты Ивану Сидоровичу глаз из рогатки вышибешь. Кстати, отличный выстрел!

– Спасибо, – машинально ответила я и встрепенулась. – А Ральф, правда, возвращается? Карл сказал...

– Карл солгал! – резко ответил Бранко. – Чтобы заманить тебя обратно на остров и убрать без лишнего шума. Чтобы ты никогда не рассказала Доннелу про их с Ирэн двойную игру. Потом они бы придумали, как объяснить ему твою смерть.

Я сникла. Тоскливо посмотрела за окно. Слева тянулись и тянулись серые горы. Сейчас они уже не казались мне красивыми, наоборот, их мрачный безрадостный вид напоминал о такой же безрадостной картине моего будущего.

– Куда мы едем? – спросила я у Бранко о том, о чём должна была спросить намного раньше.

Он усмехнулся:

– Спихватилась? Молодец. А едем мы пока просто подальше от Новоруссийска. И я впервые очень рад тому, что в Оазисе нет ни связи, ни интернета. Карлу понадобится время, чтобы добраться до Ирэн и доложить о своём фиаско. Пока они решат, что делать дальше, пока соберутся начать, мы уберёмся на порядочное расстояние.

– А что они могут решить сделать?

– Ну... я не хочу пугать тебя, однако сам боюсь, что Ирэн задействует все свои ресурсы и связи, для того чтобы остановить нас до того, как мы сможем связаться с Доннелом и рассказать ему про её обман. А ресурсы и связи у Ирэн есть. Поэтому нам нужно как можно скорее оказаться подальше отсюда.

Я хотела спросить, каким образом Ирэн вообще может достать нас там, где нет её власти, но снова вспомнила полицейских, «благодаря» которым мы с Яринкой попали в Оазис, и сказала другое:

– Так почему бы нам не рассказать всё Ральфу прямо сейчас? У тебя есть его телефон?

Бранко горько скривил губы:

– Наивное дитя. Если бы из Руси можно было так просто позвонить в другую страну... Железный занавес, не слышала?

Я прикусила губу, кажется, впервые начиная понимать то, о чём как-то говорил мне Ральф. О моей абсолютной оторванности от внешнего мира, о полнейшем непонимании того, как устроена жизнь за пределами Оазиса или приюта.

– Что же нам делать? – Вопрос прозвучал жалобно и по-детски, но Бранко ответил не лучше:

– Не знаю, бэби... Дайка. Пока не знаю.

Когда я в последний раз сидела у костра? Наверное, в Маслятах, в один из тех летних вечеров, когда наша детвора собиралась у кого-нибудь за огородом печь картошку и рассказывать страшные истории...

Сейчас картошка тоже лежала рядом с костерком, ожидая, когда он прогорит, оставив после себя горячие угли. Компанию ей составляли нанизанные на тонкий прут сосиски, толстые ломти ароматного черного хлеба, россыпь свежих помидоров, и, честное слово, никогда ещё при виде пищи я не испытывала такого зверского аппетита!

Бранко тоже выглядел довольным, хоть и поглядывал с тревогой на поднимающийся в темнеющее небо дымок. Это я уговорила его разрешить разжечь костёр, пообещав, что такого маленького огня никто не заметит. Мне вообще казалось, что спутник слишком осторожничает. Сначала мы потратили добрый час на то, чтобы замаскировать в лесополосе машину, которую он долго и упорно втискивал в кусты, потом шагали в самую гущу деревьев, неся с собой несколько пакетов с тем, что, по мнению Бранко, могло нам вдруг пригодиться в суровой южной ночи. Надо отдать парню должное – снарядился он в дорогу с толком. Два спальника, шерстяные одеяла, запасная одежда и обувь для него, запасная одежда и обувь для меня, еда, вода, посуда, термос, аптечка, фонарь, – и это только то, что мы забрали из машины, собираясь на ночёвку под открытым небом.

Первое, что сделал Бранко, после того как мы выбрали место для лагеря, – бесцеремонно велел мне раздеться и показать повреждения, полученные при аварии и до неё. А поскольку раздеваться перед Бранко, похоже, становилось в моей жизни доброй традицией, я не заставила себя уговаривать.

Осмотром мой спаситель остался удовлетворён: самым серьёзным из всего им обнаруженного оказался сильный ушиб коленной чашечки и длинный глубокий порез кожи головы, нанесённый, видимо, одним из осколков оконного стекла ховринской машины, разбившегося при её падении. Остальное было всего лишь ссадинами и синяками, которые, хоть и придавали мне весьма плачевный вид, опасности для здоровья не несли.

– Фартовая! – заключил Бранко, подавая мне платье. – В воде не тонешь, в огне не горюшь. Не зря тебя Ирэн невзлюбила, она опасного соперника задницей чует.

На этот раз его слова не вызвали во мне внутреннего протеста. В самом деле, окажись мы с Ирэн на равных условиях, что эта молодящаяся тётенька сможет мне противопоставить?

Серое платье путалось в ногах, цеплялись за кусты, изрядно мешая собирать хворост для костра, и я спросила у Бранко, нет ли среди прихваченной им одежды каких-нибудь штанов для меня.

Парень свёл брови и покрутил пальцем у виска:

– Забудь, бэби! Ты больше не в Оазисе, здесь женщины не носят штанов. Ни штанов, ни коротких юбок, ни открытых платьев, ни распущенных волос.

– А рисунки на теле носят? – буркнула я и ткнула пальцем в сосновую лапку на своей щеке. Внезапное осознание того, что красивая удобная одежда ушла в прошлое вместе с пальцами и павлинами, неожиданно сильно меня расстроило.

– И рисунки не носят, – невозмутимо ответил Бранко, не обращая внимания на моё раздражение. – А значит, нам предстоит в ближайшее время что-то с этим сделать, ты же не можешь в таком виде показаться среди людей.

Моя злость испарилась. Право, как же глупо переживать из-за невозможности одеваться так, как тебе это нравится, в то время как на кону свобода, а то и жизнь!

– Сделать что? – спросила я в пространство, машинально поглаживая себя по щеке. – Ты же сам говорил, что эта краска проникает в нижние слои кожи и уже не смывается.

– Конечно не смывается, – с неуместным самодовольством подтвердил парень. – Я своё дело знаю. Смыть нельзя. А вот нарисовать что-то другое поверх – можно.

Предложение так рассмешило меня, что я выронила сухие ветки для костра, которые успела собрать.

– Чего? Правильно, давай, чтобы не было видно одного, нарисуем другое! Как насчёт языков огня? Я видела такую татуху у одного из гостей – красиво!

Мой сарказм не произвёл на Бранко никакого впечатления; напротив, парень выглядел угрожающе равнодушным. И я тоже замолчала, поняв, что шуткой тут и не пахнет.

– Языки огня не пойдут, – наконец тихо изрёк Бранко. – Слишком броско. Неестественно. А вот огромное родимое пятно – такая патология встречается.

Я осмыслила его слова, потом перевела взгляд на пакеты, что мы притащили с собой из машины, и пришла в ужас.

– Ты что? Ты взял с собой всё, чтобы нарисовать на мне... нарисовать...

И, представив себя с чудовищным родимым пятном, захватившим половину лица и стекающим на шею, взвыла:

– Ты шутишь?! Это же навсегда!

Бранко несколько секунд насмешливо смотрел на меня, но потом сжалился:

– Релакс, бэби. Ты же не думаешь, что все мои клиенты соглашались наносить на свою драгоценную тушку несмываемый рисунок, который, возможно, им и не подойдёт? Есть краска для эскизов, та, что смывается специальным составом. И состав тоже есть.

Я облегчённо выдохнула, принялась поднимать хворост.

– Тогда ладно. Рисуй что хочешь, мастер.

– Завтра, – сообщил Бранко. – Под утренним светом.

И теперь мы готовили нехитрый ужин, устроившись на ночёвку в лесополосе, в шести часах езды от Новоруссийска.

В огромной библиотеке Оазиса мне как-то попалась книжка (наверняка одна из запрещённых), в которой говорилось о странных вещах. Об энергетике вещей и пространства, о неразрывной взаимосвязи всего со всем, о том, как добиться гармонии этой связи и качественно улучшить свою жизнь, соблюдая некие простые правила. Читать эту книгу было интересно, думаю, именно из-за её необычности, только я мало что запомнила. Но одна глава ясно всплыла в памяти, когда мы с Бранко, сидя перед тлеющими углями погасшего костра, ели обжигающую печёную картошку и обжаренные над костром сосиски. В этой главе говорилось, что пищу необходимо готовить на живом огне и принимать под открытым небом – только тогда она принесёт истинное удовольствие и пользу. Сегодня я бы подписалась под каждым словом.

Когда мы, осоловевшие от сытости и тепла, в наступивших сумерках откинулись на свои спальные мешки, я решила, что, наконец, пора сказать то, что должна была сказать ещё несколько часов назад.

– Бранко?

– Мм? – сонно откликнулся он с другой стороны кострища.

– Спасибо, что пришёл за мной. Если бы не ты, я бы поверила Карлу.

Парень не стал скромничать и отказываться от благодарности, ответил с ноткой великодушия в голосе:

– Всегда пожалуйста, бэби. Обращайся. Бранко Джурич всегда рад спасти беспомощную красавицу.

– Как? – Я даже приподнялась от любопытства. – Твоя фамилия Джурич?

– Будешь ржать – получишь картошкой в лоб, – ровно сообщил Бранко.

– Не буду, – заверила его я, подбираясь ближе. – Правда – Джурич? А чья это фамилия... откуда?

– Сербская, – неохотно отозвался Бранко. – Только давай обойдёмся без изучения моего генеалогического древа?

– Давай, – согласилась я и тут же спросила: – Так ты серб? А так хорошо говоришь по-русски! Я имею в виду, что никакого акцента, совсем как у Ральфа, – идеальное произношение.

Бранко что-то буркнул, явно давая понять, что не хочет говорить на эту тему, но я слишком долго не давала воли своему любопытству.

– Слушай, ты можешь не рассказывать про своё гине... генеа... в общем, про древо, но скажи мне, кто такой Ральф? Откуда? Он никогда ничего про себя не рассказывал.

Теперь Бранко тоже приподнялся. Внимательно посмотрел на меня поверх чадающего кострища, выразительно вздохнул:

– Бэби... Дайка, если тебе чего-то не говорят, значит, так и задумано. И я не стану ничего рассказывать про Ральфа у него за спиной. Поэтому даже не начинай.

Я надулась, снова откинулась на спальник, глядя в совсем уже стемневшее небо. Тучи никуда не делись, и звёзд не было, что опечалило меня ещё больше. Нет, я не надеялась, что мы с Бранко стали друзьями, но мне казалось, что некая тонкая нить взаимопонимания связала нас ещё с того дня, когда он благодаря своему таланту сделал из покрытой шрамами замурьшки загадочную лесную нимфу. И разве не Бранко помог мне избежать унижения во время фотосессии, придуманной Ирэн? И, в конце концов, разве не Бранко сегодня примчался спасти меня от верной гибели, пожертвовав ради этого своим разноцветным ирокезом? Для такого поступка должны быть веские причины. Вот только какие?

– Почему ты решил помочь мне? – Голос звучал обиженно и жалобно, как у маленькой девочки, чьи ожидания на подарок не оправдались, и я разозлилась на себя. Повторила громче: – Зачем ты спас меня от Ирэн и Карла?

Бранко молчал, и я уже подумала, что он не ответит, но через минуту парень заговорил усталым голосом:

– Боюсь, тебе просто повезло. Видишь ли, я давно приезжаю работать в Оазис, ещё с тех пор, как там появилась Ирэн, а это уже семь лет.

– Но тебе... – начала я, но Бранко опередил мой вопрос:

– Мне двадцать восемь лет. Да, выгляжу моложе, хвала здоровому образу жизни и хорошей генетике, но это так. И семь лет из этих двадцати восьми я делал татуировки, пирсинг и интимные стрижки девушкам, которых продавала Ирэн. Обычно я приплывал в Оазис раз в полгода и жил там от месяца до двух, пока требовалось моё мастерство. Потом возвращался в благословенные Европы и пытался забыть всё, что видел здесь. А видел я, Дайка, многое. И даже могу с уверенностью сказать, что многих из тех девушек, которые прошли через мои умелые руки, уже нет в живых. Ты бы стала просто одной из них, но...

Он замолчал, а я боялась дышать. В лесу жалобно запела какая-то птичка, которой вроде бы полагалось давно спать, и Бранко чуть повернул голову на звук.

– Соловей, что ли? Да нет, не он... А сколько под Белградом соловьев! Всё хотел дом там купить, деньги откладывал. И ведь давно уже хватило бы денег, но нет, старался побольше урвать, потому и из Оазиса не уходил. А потом уже поздно стало...

– Почему поздно? – спросила я, когда пауза затянулась. – Ты же там не, как мы... Ты мог уволиться, когда захочешь.

– Не всё так просто, бэби, – грустно ответил Бранко и снова замолчал.

Подождав, я осторожно попробовала продолжить разговор:

– Ты не мог отказаться? Чем-то был обязан Ирэн? У тебя не было другого способа заработать деньги? Это потому, что ты... ты... потому, что тебе не нравятся девочки?

В наступившей темноте я не увидела, а скорее почувствовала, что Бранко улыбается.

– Добрая ты душа, Дайника. Хочешь найти оправдание моему сотрудничеству с работоторговцами? Ведь если называть вещи своими именами, то владельцы Оазиса и есть самые настоящие работоторговцы, а я их пособник. Добровольный пособник.

Я промолчала. Очень не хотелось разочаровываться в своём неожиданном спасителе, но и просить его не продолжать было выше моих сил. Как говорил батюшка Афанасий – горькая правда лучше сладкой лжи.

Бранко тяжело вздохнул, словно тоже вёл внутреннюю борьбу.

– Ох, бэби, как мне хотелось бы рассказать тебе сейчас о своей нелёгкой доле, толкнувшей меня на кривую дорожку... Что-то о несчастном мальчике нетрадиционной ориентации, которого все шпыняли и презирали, которого не принимали ни в одном обществе, ни в одном коллективе, который просто вынужден был пойти на сделку с совестью, чтобы выжить в этом жестоком мире. Но всё было не так. На самом деле я с детства как сыр в масле катался. Мои родители – российские мигранты, отец был очень высокопоставленным человеком, поэтому и смог без проблем вывезти семью за железный занавес, сменить гражданство, взять другую фамилию. Это на самом деле легко, когда есть деньги. Что касается моей... нетрадиционной ориентации, то в Европах никому не придёт в голову даже косо взглянуть на такого человека. Так что я был избавлен от насмешек и одиночества. Как видишь, оправдываться мне нечем.

– Но как тогда ты попал в Оазис? Если твой отец крутой, неужели он не мог найти тебе какую-нибудь законную работу?

– Отец умер, – с нескрываемой ему грустью ответил Бранко, но тут же торопливо добавил: – Нет, его смерть не повергла нас в пучину проблем и нищеты, как ты, наверное, уже подумала. Но я был молод и амбициозен, урезонивать меня стало некому, а тут подвернулся

случай... В подробности вдаваться не стану, но в моей жизни появилась Ирэн со своим заманчивым предложением. Я ведь очень талантлив, Дайка, не сочти за хвастовство.

Я не сочла. Доказательства того, что Бранко очень талантлив, красовались у меня по всему телу.

– Я бы и так мог зарабатывать неплохие деньги в лучших европейских салонах... но не такие, как в Оазисе. Кроме того, мне хотелось посмотреть Русь: когда мы уехали, я был совсем маленьким и ничего не запомнил. А ещё, чего уж греха таить, тянуло почувствовать себя крутым парнем, поучаствовать в чём-то незаконном, запретном, может быть, даже опасном. Молодость... В своё оправдание могу сказать разве что одно. Когда я принимал решение работать в Оазисе, я не думал о тамошних девушках как о жертвах, как о пленницах. В Евросоюзе проституция давно узаконена и женщины идут на это сознательно, без каких-либо негативных последствий для себя.

Снова над погасшим костром повисла пауза. Неизвестная одинокая птичка продолжала пиликать в чаще леса, и теперь её голосок казался мне ещё более жалобным, словно она, как и я, заблудилась в мире, не зная, куда лететь дальше.

– Но потом, – продолжал Бранко ровным голосом человека, с головой погрузившегося в воспоминания, – потом пришло понимание. Я приезжал в Оазис, видел всех этих девушек и девочек, они появлялись, они исчезали, были все разными, но в то же время одинаковыми. Их роднило одно... Знаешь, у человека в неволе появляется такое... выражение глаз, что ли? Как печать на лице. Со временем их сразу видишь. Я был то в Белграде и Бресте, то в Лондоне и Париже, смотрел на людей, на женщин, но возвращался в Оазис, видел всех этих девушек, их глаза... В общем, быстро научился отличать свободного человека от невольника. И с каждым разом это было всё большее. У вас ведь украли не только свободу, у вас украли вашу судьбу. А может быть, и душу...

Похоже, Бранко искренне винил себя. Его настроение передалось мне, и я неожиданно тоже захотела присоединиться к обвинениям.

– Так что тебя тогда держало? Всё-таки деньги? Решил до кучи прикупить сразу два дома под Белградом?

Бранко не обиделся на резкий тон. Кивнул:

– И деньги, конечно. Когда привыкаешь к определённом доходу, очень трудно согласиться на меньшее. Но также – тщеславие. Мне нравилось, что заведение держится за меня. Пару раз я заикался о том, что хочу уйти, и мне сразу повышали ставку. Наверное, я так и продолжал бы закрывать на всё глаза и быть ещё одним хорошо прикормленным «своим человеком», но мне подал пример...

Бранко вдруг резко замолчал, словно спохватившись. Сел. Разворошил палкой почти погасшие угли, и в их красном свете я увидела испуг на его лице.

– Кто подал тебе пример? – по-прежнему резко спросила я, всегда считавшая, что если уж ты завёл о чём-то речь, то нужно договаривать.

Но Бранко так не думал.

– Это к делу уже не относится. В общем, в какой-то момент я твёрдо решил уйти. И последней каплей в чаше моего терпения стало то, как Ирэн решила поступить с Ральфом и с тобой. Я до последнего надеялся, что, после того как ты вышибла глаз Ховрину, она оставит тебя в покое. Но то ли ей тоже деньги совсем разум затмили, то ли Ховрин так напугал... Я узнал, что тебя отдали ему, собрал вещи и поплыл следом.

Я хотела спросить о том, как ему удалось найти меня в больнице и договориться с врачом, не будет ли теперь полиция искать пропавшую пациентку, каких действий можно ожидать от Ирэн и что мы будем делать со всем этим дальше, но неожиданно на плечи навалилась страшная усталость. Я даже не смогла потом вспомнить, как разулась, как забралась в спальник и что ответила Бранко на его рассказ...

Глава 3 Москва

Мне показалось, что нас разбудила та же самая птичка, которая так тоскливо пела ночью. И, видимо, не мне одной, потому что Бранко заворочался в своём спальном мешке и простонал:

– Да заткнёшься ты когда-нибудь, несчастный комок перьев?!

Я неслышно рассмеялась, выглянула наружу. От вчерашних туч не осталось и следа, небо голубело рассветной чистотой, роса искрилась на траве. Это живо напомнило мне первое наше с Яринкой утро на свободе, вне приютских стен. Но даже мысль об исчезнувшей подруге не принесла грусти, как это было последние месяцы. Чудесным образом вместе с отдыхом на меня снизошло спокойствие, и я уже знала, что делать дальше. По крайней мере, к чему стремиться.

Мы приготовили завтрак на заново разведённом костре. Запасливый Бранко прихватил с собой даже кофе в саморазогревающихся банках, и его горячий аромат в свежести лесного утра был чудесен. Парень, казалось, стыдился своей вчерашней откровенности и в основном молчал. Я тоже не спешила с разговорами: теперь, когда меня снова окружала свобода, весь мир мог подождать.

Не спеша, мы собрали оставшийся после трапезы мусор, затушили костёр. Солнце между тем поднималось из-за деревьев, обещая жаркий день, и я размотала бинты на голове, постаралась привести в порядок свалывшиеся волосы. Это получилось плохо, зато напомнило Бранко о проблемах насущных. Он протянул мне бутылку воды:

– Умойся. Пора рисовать невус.

– Чего? – изумилась я, и парень снисходительно пояснил:

– Родимое пятно, бэби. К счастью, твоего тела не будет видно под этой ужасной одеждой, которую у женщин тут принято носить, но вот лицо и шею нужно замаскировать.

И он замаскировал. Каким бы ни был Бранко человеком, что бы ни рассказывал про себя вчера, но талант оставался неизменной и лучшей чертой его личности.

Зеркала у нас не нашлось, и после произошедшей метаморфозы пришлось терпеть, пока мы не собрали вещи и не вернулись к машине, где я смогла увидеть себя в зеркале заднего вида.

Зрелище не обрадовало. Слово тёмная амёба расплзлась по правой стороне моего лица, уродливыми ложноножками захватив подбородок, часть шеи, висок...

– Это точно смоется? – опасливо спросила я у Бранко, скользя кончиками пальцев там, где ещё недавно на моей коже красовалась пушистая сосновая лапка.

– Можешь не сомневаться, – успокоил устраивающийся за рулём парень и ехидно заметил: – Девочки такие девочки! Нам, может, жить осталось считанные дни, а ты о внешности беспокоишься.

Его слова вернули меня к суровой действительности. Впрочем, в моих глазах она выглядела не так мрачно. И я деловито осведомилась, захлопывая дверцу машины:

– У тебя есть план?

– Если это можно назвать планом, – буркнул Бранко. – Любыми способом связаться с Доннелом и уповать на то, что он придумает, как нам помочь.

– А как он сможет нам помочь, если ему даже на Русь приехать нельзя?

– Думаю, у него здесь хватит связей для этого.

В лесу опять тонко засвистела неугомонная птичка, и некоторое время мы молчали, прислушиваясь и думая каждый о своём. После вчерашнего разговора меня не оставляло двойственное чувство по отношению к моему спутнику. С одной стороны, я была ему безгранично благодарна и вообще испытывала необъяснимую симпатию, начиная с нашей первой встречи. С другой – Бранко явно оставался тёмной лошадкой. Я не могла не отметить, насколько иначе он выглядел теперь, чем раньше в Оазисе. И дело вовсе не в разительной перемене внешнего

облика, не в том, что никто бы, наверное, сейчас не узнал в этом худом, хмуром и уже начавшем зарастать щетиной парне прежнего яркого, ухоженного, немного жеманного Бранко. Словно он снял маску, которую носил так долго, что все привыкли думать, будто она и есть его истинное лицо.

У меня даже закралось подозрение, что он решил спасти меня от Ховрина вовсе не из благородных побуждений, а, как и сказал вчера Карл, в расчёте на благодарность Ральфа. Эта мысль мне совершенно не понравилась, и я отмела её с негодованием. Какая глупость: ведь, если бы Бранко нужно было вернуться в Европу, он бы просто взял и вернулся, без этой ссоры с Ирэн и Карлом, без авантюры с вызволением меня из больницы, без вчерашней изматывающей дороги!

Но я всё-таки спросила:

– А разве ты не можешь уехать с Руси без помощи Ральфа? Как-то же ты въезжал и выезжал раньше?

Бранко невесело усмехнулся:

– Вот чем ты слушаешь? Русь ужесточила въезд и выезд для иностранцев! Я и раньше находился здесь не совсем легально, и если по морю из Оазиса можно было кататься туда-сюда через своих людей в одесской таможне, то сейчас сделать этого без помощи Ирэн или Карла я не смогу.

– То есть... – Я напрягла память, пытаясь собрать в кучу всё, что слышала о таких вещах раньше. – Ты вроде как нелегал? Подлежишь депортации?

Бранко посмотрел на меня почти с жалостью:

– Ох, бэби... если бы всё было так просто: взяли и депортировали. Я гражданин Евросоюза, незаконно находящийся на русской территории. По закону времён железного занавеса, считай, шпион.

Я невольно присвистнула, чем удивила саму себя – никогда не умела толком свистеть.

– И что будет, если тебя поймают?

– Ну... – Бранко вздохнул. – Документы я с собой не взял, не дурак, так что, учитывая мой безупречный русский, есть шанс, что меня вместе с тобой примут за простого бродягу. Отправлюсь в колонию-поселение, пожалуй.

– И я тоже?

– Сколько тебе сейчас? Четырнадцать? Нет, ты скорее в приют.

– На мне поджог церкви.

– Тогда расстрел.

Я уставилась на Бранко, открыв рот, и, только заметив, как ползёт вверх уголок его рта, поняла, что это была шутка. Мы нервно расхохотались и хохотали добрых пару минут, после чего напряжение заметно спало.

– Ладно, – Бранко завёл мотор и сдал назад, заставив машину медленно выбраться из кустов, куда мы её вчера так тщательно спрятали, – не надо о плохом. Лучше будем надеяться, что добрый дядя Ральф потянет за нужные рычаги и вытащит нас отсюда.

Вытащит нас отсюда... Я смотрела на хлещущие по лобовому стеклу ветки и размышляла, как лучше сказать Бранко о том, что дальше нам с ним не по пути. Спокойствие и даже радость, с которыми я проснулась утром, объяснялись одним простым фактом – я по-прежнему не знала, что мне делать дальше, зато точно знала, чего делать не надо.

– Бранко. Я никуда не поеду, даже если Ральф сможет это устроить.

Парень повернулся ко мне всем корпусом, казалось, совершенно забыв, что находится за рулём.

– В смысле? Что значит – не поедешь? Разве ты не хотела на Запад?

Я вздрогнула. Неясные подозрения вернулись. О нашей с Яринкой детской мечте убежать в далёкие чудесные страны-где-всё-можно, знал только Ральф.

– С чего ты взял, что я этого хотела? – Мой вопрос прозвучал так резко, что мог показаться даже враждебным, и брови Бранко недоумённо приподнялись.

– На Запад хотят все девушки Оазиса, – отозвался он, пожав плечами. – Я думал, ты не исключение.

Мне снова стало стыдно за свою подозрительность, и я виновато подтвердила:

– Не исключение. Но я не могу оставить здесь Яринку.

– Это та рыженькая, которая убежала с сыном Бурхаева? – оживился Бранко. – Ну и кипеж был! Скажи, ведь там без тебя не обошлось, верно?

– Верно, – подтвердила я и злорадно вернула Бранко его же сказанные мне вчерашним вечером слова: – Но если тебе чего-то не говорят, значит, так и задумано.

Бранко развёл руками, признавая справедливость моего ответа, снова положил их на руль. Спросил:

– Так ты знаешь, где сейчас твоя подружка? Хочешь взять её с собой на Запад? Думаешь, Доннел станет помогать ещё и ей?

Ничего такого я не думала. Я не думала даже, что Ральф станет помогать мне. Бранко – возможно, судя по тому, что их объединяет пусть не дружба, но какие-то общие дела, о которых мой спутник предпочитает не распространяться. Но кто такая я? Всего лишь игрушка, развлечение, очередная забава на досуге. И заплаченные за меня Доннелом деньги никак не доказывают серьёзности его намерений, скорее наоборот. Пусть я до сих пор не знаю, кто такой Ральф, но могу догадываться, что денег у него, как у дурака фантиков, и он может, особо не напрягаясь, тратить их на что угодно, в том числе и на содержание малолетней наложницы. Но одно дело тратить деньги, а совсем другое – наживать проблемы с законом.

Впрочем, кто его знает. Ральф так и остался для меня тёмной лошадкой. Может быть, он и согласится выгадать вместе со мной ещё и Яринку: вдруг для него это тоже ничего не стоит? Но я не видела Ральфа долгие месяцы, его образ потускнел в моей памяти, благодарность и привязанность, что я испытывала к нему, почти развеялись, а неожиданно полученная свобода кружила голову. Ральф же был частью прежней жизни, частью Оазиса, частью унижительной неволи, возвращаться к которой мне совершенно не хотелось даже в мыслях.

Поэтому и думала я сейчас о другом.

О сосновом лесу где-то далеко отсюда. О старой поваленной сосне и ямке под ней. О нашем с Яринкой уговоре...

– Мне не нужна помощь Ральфа, – ответила я, глядя на текущую под капот бесконечную дорогу. – Мне нужно в Москву.

Парень удивлённо покосился на меня. Пожал плечами:

– А мы туда и едем.

После того как выяснилось, что нам с Бранко по пути, я заметно расслабилась. Скажи он, что собирается куда-то в другое место, было бы совершенно непонятно, что мне делать дальше. Добраться одной до приюта (а ведь я даже понятия не имею, по какому адресу он расположен) без документов, без денег, без транспорта, не будучи даже совершеннолетней, – немыслимо. Честно говоря, наверное, пришлось бы или просить Бранко всё-таки оказать мне посильную помощь, или отправиться с ним, а там будь что будет. Но, к моему счастью, Бранко тоже решил пробиваться в столицу.

– Есть там у меня... не друг, но, скажем, хороший знакомый, – пояснил он мне, уверенно ведя машину по прямому, как стрела, шоссе. От гор, окружающих Новоруссийск, не осталось и следа: теперь мы следовали по плоской, как стол, равнине. – Через его телефонную связь я бы смог выйти на Ральфа и быть уверенным, что разговор не прослушивается.

– Кто этот человек? – спросила я, рассудив, что, должно быть, услышу о большой фигуре, но Бранко лишь досадливо мотнул головой:

– Неважно. Главное, чтобы мы вообще сумели до него добраться. У меня нет документов, о тебе и говорить нечего. Если какому-нибудь скучающему патрульному на дороге вздумается нас остановить – это конец.

Я ничего не ответила. Мне не нравилось то, как мы с Бранко, несмотря на всё, что нас теперь объединяло, остаёмся закрыты друг для друга. Хотелось стать друзьями, услышать от него правду о Доннеле, об их общем прошлом, о том, на какую именно помощь от него нам можно рассчитывать. В свою очередь, я бы с удовольствием поделилась своими чаяниями, всем тем, что держала в себе. С тех пор как рядом не стало ни Яринки, ни Ральфа, одиночество измотало мою душу, я остро нуждалась в ком-то, с кем можно поговорить откровенно, рассказать о страхах и надеждах, о своей усталости и разочарованиях... о том, как ужасно было удерживать под водой отвратительно подёргивающуюся голову Ховрина.

Но Бранко молчал и выглядел совершенно равнодушным, и я молчала тоже.

Ближе к полудню мы выехали к широкой реке, на высоком противоположном берегу которой стоял белый город.

– Ростов-на-Дону, – сказал Бранко, и я кивнула.

Благодаря чтению и занятиям в библиотеке Оазиса мне была неплохо знакома карта Руси, поэтому уточнять что-либо не пришлось. Кроме одного:

– Как долго осталось до Москвы?

Парень задумался.

– Боюсь, придётся ещё раз встать на ночёвку и несколько раз заправиться. Я не хочу ехать по федеральным трассам, слишком опасно. Придётся искать обходные пути.

Мне это мало о чём сказало, кроме того, что к нашему с Яринкой тайнику я попаду ещё не сегодня и не завтра. Ну и ладно, после стольких месяцев ожидания пара дней погоды уже не делает.

В пригороде Ростова-на-Дону мы остановились у магазина. Я осталась в машине, чтобы не привлекать внимания людей своим новоприобретённым изъяном – огромным родимым пятном на лице. Не говоря уже о спутанных волосах с засохшей на них кровью из пореза и разбитых опухших губах, что также могло насторожить законопослушных граждан.

В магазине, кроме небольшого запаса еды, Бранко купил атлас дорог, и дальше мы двинулись уже увереннее. День, в отличие от вчерашнего, выдался солнечный, почти по-летнему жаркий, и ни о чём плохом не думалось. Я сидела на пассажирском сиденье, откровенно наслаждаясь путешествием, так не похожим на то, что мы с Яринкой проделали два года назад. Земля, прекрасная и бескрайняя, разворачивалась передо мной, и теперь восхищаться ею не мешали ни голод, ни жажда, ни сводящий с ума грохот несущегося товарняка, ни резкий встречный ветер. Я видела поля и леса, реки и озёра, города и деревни, людей и животных. Я слышала звон ручьёв и мычание стад, рёв мотоциклов и свист ветра в проводах, таких же бесконечных, как дороги, над которыми они протянулись. Я думала обо всём том, что случилось со мной за недолгих четырнадцать лет жизни, и находила некое утешение в огромности всего окружающего, ведь что значит одна неудавшаяся судьба в таких масштабах?

На ночь мы остановились на берегу безымянной речушки, в которой оба худо-бедно смогли ополоснуться. Я, наконец, смыла с волос засохшую кровь, расчесала их, заплела в простую косу и стала выглядеть почти прилично, если, конечно, не обращать внимания на покрытое синяками лицо и опухшие губы. После плесканья в ещё по-весеннему холодной воде, мы долго отогревались у костра. Приготовили на нём ужин, расстелили спальники, легли под ясным на этот раз небом, где уже проступили первые бледные звёзды. В течение дня мы мало разговаривали: Бранко был сосредоточен на дороге и погружён в какие-то свои мысли, меня слишком увлекла картина разворачивающихся вокруг бескрайних просторов, отвлекаться от неё не хотелось. И сейчас, когда в темноте смолкло потрескивание огня и слышался только плеск воды в речушке, тоже повисла тишина.

Первым нарушил её, как ни странно, Бранко. Возможно, и его тяготила наша закрытость друг от друга, странные отношения, когда дорога и опасности на ней – общие, но цели разные. Или он просто боялся навлечь на себя гнев Ральфа в том случае, если потеряет меня где-нибудь по пути, кто ж его поймёт!

– Слушай, бэби... Дайка, – сказал Бранко. – Тебе не кажется, что твои планы несколько... хм-м... что ты не знаешь, что делаешь?

– Почему не знаю? – сонно возразила я. – Очень даже знаю. Ты ведь сказал, что адрес приюта выяснить не проблема, стоит нам лишь выйти в интернет.

– Ну, выяснишь ты адрес, допустим. – Судя по звукам по ту сторону кострища, Бранко приподнялся на своём спальнике. Голос его звучал убедительно, даже взволнованно. – Допустим, доберёшься до этого вашего тайника. А он окажется пуст! Что ты тогда будешь делать?

Об этом я тоже думала. Точнее, старалась не думать, но воображение снова и снова возвращало мне картину того, как я запускаю руку под поваленную сосну, в прохладу сырой земли... и не нахожу там ничего, кроме ломких прошлогодних листьев.

Что я буду делать? Хороший вопрос. И отвечать на него придётся именно тогда. Не завтра утром. Не следующей ночью. И уж тем более не сейчас. Сейчас все мои мысли были сосредоточены на том, чтобы просто суметь добраться до приюта. И пусть я знала, что находится он под Москвой, всегда находился и никуда не денется до моего появления, но сам факт возвращения туда казался мне почти невероятным. Словно предстояло совершить путешествие не только в пространстве, но и во времени.

Словами всего этого я объяснить не могла, поэтому сказала просто:

– Тогда и будет видно, что делать.

– Ребёнок... – протянул Бранко тоном глубокого разочарования. – Взять бы тебя за шкуру и притащить Доннелу...

– Последнего, кто пытался тащить меня за шкуру, я утопила, как... – Хотела сказать «как собаку», но стало неприятно. Что плохого кому сделали собаки, за что их топить, да ещё сравнивать с Ховриным? Поэтому договаривать я не стала, и фраза повисла в воздухе.

Бранко хмыкнул:

– Смотрю, ты очень быстро привыкаешь к свободе. Так нельзя. Полной свободы всё равно не существует.

Я вспомнила синие, покрытые тайгой сопки до самого горизонта и только улыбнулась в темноту. Что может знать о свободе человек, с самого рождения заключённый в железобетонные клетки городов?

– Где мы находимся сейчас? – спросила я у Бранко, чтобы сменить тему.

– Между Воронежем и Липецком, – отозвался он. – Если дальше всё пойдёт нормально, то завтра к вечеру будем в Москве.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить Москву, которую видела только однажды, когда меня и других детей из Маслят везли через город из аэропорта в приют. И запомнилась она мне, ребёнку бескрайних и безмолвных лесов, одним сплошным грохочущим идвигающимся кошмаром. Конечно, потом я не раз видела Москву на фото и по телевизору и поняла, что это хоть и очень большой и суетливый, но по-своему красивый, даже изящный город, в котором наверняка многим совсем неплохо живётся. Но разве для нас с Бранко Москва не таила опасность?

– Как мы в Москве? Там же полно полицейских. Машину остановят и...

– Машину придётся оставить, – с явным сожалением ответил Бранко, – по Москве будем передвигаться на общественном транспорте.

– А мне-то зачем в саму Москву? – осторожно озвучила я внезапно пришедший в голову вопрос. – Может, я сразу к приюту?

– А где приют? – Кажется, Бранко разозлила моя твердолобость. – Сначала нужно узнать его адрес, сделать это можно в интернете, а интернет будет только в Москве, у моего знакомого! Туда и двигаем.

Я задумалась, припоминая всё, что слышала о возможностях всемирной паутины.

– Разве ты не можешь зайти в интернет с телефона?

В темноте видно не было, но по голосу Бранко чувствовалось, что он закатил глаза.

– Бэби, мой телефон, как и ноутбук, остался в Оазисе! Податься в бега и взять с собой вещь, по которой тебя запросто можно отследить, – это верх идиотизма!

Я мысленно добавила ещё один пункт о внешнем мире в длинный список того, что нужно накрепко запомнить и никогда не забывать. И снова подумала, как всё-таки прав был Ральф, когда говорил об отсутствии у меня хоть какой-то социализированности. Но из упрямства всё-таки буркнула:

– А разве нельзя купить новый телефон?

Кажется, Бранко снова закатил глаза.

– На Руси для того, чтобы купить телефон и сим-карту к нему, нужны паспортные данные!

Захотелось постучаться лбом о землю. Боже, сколько же понадобится времени, чтобы мне хоть как-то начать разбираться в том, по каким правилам живёт общество?

И я хотела уже перестать задавать вопросы, дабы своей неосведомлённостью не злить Бранко ещё больше, но мысль о Москве почему-то пугала, и я не выдержала:

– А может, лучше ты в Москву один поедешь? А я подожду тебя где-нибудь...

На этот раз Бранко не счёл нужным даже пытаться скрыть раздражение:

– Дорогуша, ты знаешь, что такое Москва? Это огромный город и не менее огромный пригород! Где ты там меня подождёшь? В каких-нибудь кустах у дороги? А потом мне хрен знает сколько пилить обратно до этих кустов? Ночевать тоже в кустах? Учти, остановиться в гостинице мы не сможем, потому что и там нужен паспорт! Так что любые лишние телодвижения и промедления нам совсем ни к чему. Важно как можно быстрее добраться до моего... знакомого, а уж у него мы какое-то время будем в безопасности. Он разрешит пожить у себя несколько дней.

– Мне нельзя жить! – быстро возразила я. – Мне надо к приюту.

– Да хоть переночуешь нормально, неугомонная!

Я чувствовала, что Бранко чего-то недоговаривает, где-то юлит. Ему почему-то очень не хотелось даже на время оставлять меня одну.

– Всё-таки не понимаю, почему ты не можешь поехать в Москву без меня. – Я снова попробовала закинуть удочку. – Всё равно же оставишь машину где-то за городом, а потом вернёшься за ней? Я бы могла...

– Нет! – рявкнул Бранко и, кажется, даже стукнул кулаками по земле.

Я демонстративно надулась.

– Ты не думаешь о том, что в городе на меня все будут пялиться? Может, я стесняюсь в таком виде? Сам нарисовал мне это уродство на лице...

Но хитрость не прокатила. Бранко только махнул рукой:

– Рассказывай! Застесняешься ты, как же. Я бы ещё поверил, что ты опасаясь излишнего внимания, но что комплексуешь из-за родимого пятна – смешно. Только не ты.

Его слова мне неожиданно польстили. Выходит, не выгляжу я дурушкой, а? Не произвожу впечатления содержанки-пустышки, зацикленной на своих внешних данных? Уже неплохо.

Эту ночь я тоже спала хорошо. И снился мне совершенно сумасшедший сон-калейдоскоп, в котором с дикой скоростью крутились, перемешивались и составляли самые безумные узоры разноцветные осколки моей жизни. Но больше всего запомнился почему-то Ральф. Точнее, его глаза, то тёпло-карие, цвета крепкой заварки, то холодно-чёрные. Среди других осколков-эпи-

зодов они встречались чаще всего, и проснулась я с мыслями о нём. Даже по уже забытой привычке лениво перекадилась влево, ожидая, что сейчас прижмусь боком к твёрдому мужскому телу... но вместо этого почувствовала лишь зябкий утренний воздух в прорези спального мешка. Проснулась окончательно. Села, растерянно моргая.

Бранко ещё спал, восход едва золотился на востоке, а над речушкой стоял туман. Я попыталась снова уснуть, но вместо этого начала вспоминать Ральфа, точнее, то, как уютно и спокойно было просыпаться рядом с ним. Как он, не открывая глаз, одной рукой сгребал меня в охапку, подтягивал к себе и тепло дышал в затылок, пока остатки сна окончательно не покидали нас обоих. А от запоздалого понимания того, что этого больше никогда не будет, мне стало тоскливо и одиноко.

Я даже свернула калачиком у себя в спальнике, почти уткнувшись носом в собственные колени, словно собираясь заплакать. Не заплакала, конечно, но в своём воображении позволила себе ещё немного понежиться в объятиях далёкого теперь и наверняка навсегда потерянного первого моего мужчины.

Однако уже к завтраку мимолётная тоска по Доннелу прошла без следа. Даже вспоминать о ней стало странно, и я решила, что это было просто эхом сна. Мы с Бранко не стали разводить костёр и ничего не съели, лишь выпили кофе из саморазогревающихся банок – оба торопились в дорогу. И очень скоро перед моими глазами снова мелькали, сменяя друг друга, пейзажи, залитые встающим солнцем. Этот день тоже обещал летнюю погоду, несмотря на то что ехали мы всё время строго на север.

Приближение Москвы я угадала задолго до того, как увидела на придорожном указателе отметку – сто километров. Даже не по тому, что на трассе появилось больше машин, не по тому, насколько шире и ровнее стала сама трасса, не по тому, насколько менее зелёными становились её обочины, но неким внутренним наитием, почти первобытным чутьём. Так, наверное, звери в тайге ещё за десятки вёрст чувствуют приближение лесного пожара.

И вот что-то такое же неизмеримо огромное, шумное и могучее сейчас было впереди, приближалось с каждым оборотом колёс, заставляя сердце биться чаще, а волосы на коже приподниматься дыбом. Я невольно вспоминала всё, что когда-либо читала и видела о Москве, и неожиданно порадовалась тому, что Бранко настоял на моём появлении в столице. Самого Бранко, казалось, тоже не оставлял равнодушным скорый финал путешествия: серб был бледен, сосредоточен и молчалив.

В этом сосредоточенном молчании мы и достигли трёхуровневой развязки дорог. Такое я видела впервые и разинула рот. Трасса, по которой мы следовали, впереди изгибалась дугой и уходила вниз, под другую трассу, пришедшую откуда-то с востока и поднимающуюся, чтобы пропустить под собой дороги поменьше. А ещё выше, над ней, непонятно как держалось в воздухе гигантское бетонное кольцо, по которому тоже неслись автомобили, кажущиеся снизу игрушками.

– Ох! – вырвалось у меня, но Бранко понял это по-своему, озабоченно кивнул:

– Ты права, становится слишком оживлённо. Придётся бросить машину.

До этого я думала, что слово «бросить» означает что-то другое. Например, что мы найдём платную стоянку, где не задают лишних вопросов, и оставим автомобиль там, дожидаясь нашего возвращения. Но Бранко сделал проще. Перед самой развязкой он съехал с трассы в неприметную колею. По ней мы, трясясь и подпрыгивая на ухабах, добрались туда, где низкорослые деревья и кусты росли погуще. Остановились. Бранко какое-то время сидел, безучастно глядя перед собой, а я затаила дыхание. Наконец спутник ровно заговорил:

– Лишнего не берём, но берём самое ценное. Вряд ли мы сюда вернёмся.

Я запоздало задалась вопросом: а откуда он вообще взял эту машину, чья она? Но решила, что это уже не имеет значения.

Мы оставили почти всё. Спальники и еду, одеяла, фонарь, аптечку, одежду, термос, посуду... Бранко взял только атлас дорог да свои краски с инструментами, которые, как я уже поняла, и были самым ценным для моего талантливого спасителя. Я прихватила запасную одежду и шоколадные батончики на случай приступа голода: есть теперь хотелось почти всё время, организм требовал компенсации причинённого ему за последнюю неделю ущерба.

Потом мы долго шли пешком. Бранко заглядывал в атлас, осматривался по сторонам и хмурил брови. Наконец закоулки и тропы вывели нас к прозрачному навесу на обочине дороги – автобусной остановке. В самом автобусе народу оказалось немного, но я всё равно старалась держать лицо опущенным, не зная даже, чего стесняюсь больше – искусственного родимого пятна или своего побитого вида. К счастью, платье закрывало мои руки и ноги, милосердно пряча от взглядов любопытных опухшее колено и многочисленные синяки.

Автобус привёз нас на широкую шумную улицу, и, хоть она была не больше той, по которой мы мчались от больницы в Новорусийске, я всё тем же первобытным чутьём определила – это уже Москва. Окружающее пространство незримо содрогалось в быстром, никогда не смолкающем ритме, вовлекая в него струны моей души, заставляя их резонировать в такт.

Я посмотрела на Бранко, пытаюсь понять, чувствует ли он то же самое, но парень снова уткнулся в атлас, нервно хмурясь. И в дальнейшем, чем ближе мы продвигались к своей цели, тем более встревоженным, даже испуганным он становился. Поэтому скоро я оставила все попытки поделиться с ним своими впечатлениями и наслаждалась ими одна.

А насладиться было чем. Москва поразила меня до глубины души. И пусть я, не раз видевшая её в кино и на фотографиях, примерно знала, чего ожидать, но реальность во стократ превзошла все эти ожидания. Я смотрела на возносящиеся в небо величественные здания, на бесконечные разноцветные потоки машин, на людей, которых в таком количестве раньше не могла и представить, на огромные светящиеся экраны над улицами... Но больше всего меня поразило метро, в которое мы с Бранко спустились, отойдя несколько кварталов от автобусной остановки. Это был совсем другой мир. Да, тоже часть Москвы, её беспокойный живой ритм ощущался и под землёй, но здесь к нему добавилась новая мрачная нота – протяжная и таинственная, как завывание ветра в бесконечных чёрных туннелях.

Я так вертела головой и хлопала ресницами, что даже Бранко вынырнул из своей нервной прострации и прошипел мне, чтобы подобрала челюсть с пола, а то она поражает воображение окружающих больше, чем моё родимое пятно и побитая физиономия. Челюсть я подобрала, но мысленно дала себе клятву, когда-нибудь вернуться в московское метро и пройти по этим сияющим залам и лестницам без спешки, без страха привлечь к себе ненужное внимание. Вернуться в своём праве.

Из метро мы поднялись уже в совсем другую Москву. Вокруг больше не было однотипных многоэтажных зданий, рек машин и сияющей тут и там рекламы. Это походило скорее на Оазис с его малоэтажными домиками и узкими переулками между ними. С одной разницей: здесь каждый домик огораживался от мира высоким забором.

– Это ещё Москва? – на всякий случай уточнила я, прислушиваясь к тишине, от которой, оказывается, уже успела отвыкнуть.

– Москвее некуда, – фыркнул Бранко, – хоть и далеко не центр. Это Черешнино, самый дорогой район столицы.

Черешнино? Неожиданно я вспомнила уют, весенний двор перед школой, скамейку, Яринку на ней и её отца рядом. Это ему она тогда рассказывала про своего немолодого «жениха», про то, что он живёт в Черешнино. Последнее было неправдой, и сказала подруга так только затем, чтобы подразнить охочего до халявы папашу надеждой на богатого зятя.

– Твой друг богат? – спросила я Бранко, который был бледен, теребил подол рубашки и вообще выглядел неважно.

Он отозвался сразу, с каким-то болезненным смешком:

– Друг... да, богат. И весьма влиятелен, поэтому я и решил ехать к нему. Уж тут можно быть спокойными за нашу с тобой безопасность. И за приватность телефонных разговоров.

– Тогда чего ты так дёргаешься? – Я решила, что могу, наконец, задать Бранко этот вопрос – его нервозность начинала меня серьёзно беспокоить.

– Просто не думал, что когда-нибудь мне придётся обращаться к нему, – неопределённо буркнул он. – Пошли.

И мы пошли. А идти пришлось прилично, но я не скучала: уж не знаю насчёт престижности района Черешнино, но красивым он был, без сомнения. Похоже, местные жители всюду соревновались друг с другом в том, кто построит дом ярче и вычурнее. И, чем дальше мы отходили от метро и углублялись в зелёную тишь улочек, тем грандиознее становились здешние постройки. Если сначала они напомнили мне уютные, но небольшие домики Оазиса, то уже скоро это сравнение никуда не годилось. Теперь вокруг возвышались самые настоящие особняки, фазенды, поместья, замки! Я забыла, что нужно контролировать свои эмоции, и снова шагала с раскрытым ртом, вертя головой во все стороны и вытаращив глаза. К счастью, вокруг никого не было: лишь изредка мимо нас проезжали бесшумные, сверкающие и вытянутые, как пули, автомобили, за абсолютно непроницаемыми окнами которых не было видно водителей.

Время от времени при взгляде на очередное поражающее воображение жилище какого-нибудь оригинала, я, не в силах сдержать эмоций, издавала восклицания вроде «Ого!» или «Ничего себе!», но мой спутник не спешил разделить со мной восхищение. Теперь он выглядел не просто нервным или испуганным – несчастным. А когда мы, замедлив шаги, вдруг остановились возле кованых ворот, за которыми каменная дорожка уводила к сияющему в отдалении белому дворцу, он решительно повернулся ко мне и сказал:

– Дайка, будь добра сохранять спокойствие и невозмутимость, что бы ты здесь ни увидела и ни услышала.

Сказать, что такое предупреждение меня напрягло, значит очень преуменьшить! Сразу вспомнились первые дни в Оазисе со всеми его сюрпризами и новостями. Впрочем, похожего тут было много – та же сверкающая обёртка, под которой неизвестно что.

Но ни о чём спросить я не успела. С другой стороны ворот к нам приблизился плечистый мужчина, затянутый в чёрную форму охранника, с такой же чёрной дубинкой на поясе. И Бранко шагнул ему навстречу.

– Добрый день. Хозяин дома?

Охранник не торопился с ответом. Он стоял, запустив за ремень брюк большие пальцы рук, и разглядывал нас с явным пренебрежением. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на разбитых губах, неторопливо поползл по телу, и я впервые порадовалась тому, что на мне надето это нелепого фасона платье, полностью скрадывающее силуэт. Видимо, решив, что я не заслуживаю особого внимания, охранник перевёл взгляд на Бранко, присмотрелся к его ушам, к носу и бровям, где были ясно видны проколы от пирсинга, и его рот брезгливо скривился.

– Хозя-яи-и-ин? – наконец лениво переспросил он и манерой растягивать слова вдруг очень напомнил мне Белёсого. – Смотря, о каком хозяине речь.

– А у тебя их много? – вкрадчиво поинтересовался Бранко, особо выделив обращение на «ты», и охранник зло прищурился, но серб не дал ему ответить. – Если всё-таки хозяин один и он здесь, то иди и скажи ему, что приехал Джурич. Просто Джурич. Он поймёт.

Ещё секунду охранник оставался на месте, и на его лице отображалась мучительная борьба с самим собой. В итоге он всё-таки решил проявить осторожность и не хамить странному гостю, не зная, кем они могут оказаться. Коротко кивнул и скрылся в крохотной будочке, что лепилась к стене у ворот.

Выскочил он из неё уже совсем другим человеком. Рот, совсем недавно искривлённый гримасой откровенного презрения, теперь улыбался во все тридцать два зуба. Ноги семенили крохотными шажками, а спина подобострастно изгибалась.

– Прошу вас, сударь! И барышня!

Ворота распахнулись, и я вслед за Бранко ступила на выложенную разноцветными камнями дорожку.

– Я провожу! – суетился охранник, но Бранко остановил его небрежным жестом:

– Не стоит. Я помню, куда идти.

И, оставив за спиной так и не разогнувшегося до конца охранника, мы между усаженных цветами клумб зашагали к белому и блестящему на солнце, как кусок пиленого сахара, особняку с башенками и колоннами. А навстречу нам уже сходил с крыльца невысокий, но крепкий мужчина с такой же белоснежной, как его дом, улыбкой и полностью седыми волосами.

– Бран! – воскликнул он, приближаясь большими шагами. – Бран, оленёнок, я знал, что ты вернёшься!

И прежде чем Бранко успел ответить, хозяин положил ладони парню на плечи и прижался своими губами к его губам.

Глава 4

Роб

Я открыла рот, наверное, в тысячный раз за этот насыщенный впечатлениями день. И было от чего. За время пребывания в Оазисе мне доводилось видеть разные поцелуи. Грубые и страстные, равнодушные и принудительные, бесстыжие и робкие, так что я могла без труда определить, к какой категории относился поцелуй, которым хозяин роскошного дворца в Черешнино встретил моего спутника. Это была страсть, неподдельная и всепоглощающая. Настолько искренняя, что Бранко не сразу нашёл в себе силы отшатнуться. А когда, наконец, отпрянул, машинально прижав ладонь к губам, я увидела, что его грудь взволнованно вздымается, а глаза замутнены каким-то неясным, но сильным чувством. Ностальгией?

– Не надо, Роб, – наконец сказал он внезапно охрипшим голосом. – Я по делу приехал.

– Не вижу, почему бы двум благородным донам не совместить приятное с полезным! – непонятно ответил седой мужчина, но прикосаться к Бранко больше не пытался. Взглянул на меня.

– О, да ты с барышней! Она тоже по делу?

Я еле сдержала рвущийся с губ нервный смех. Уж не знаю, можно ли было назвать меня барышней в какие-либо другие, лучшие времена, но точно не сейчас.

– Да. – Бранко явно было трудно собраться с мыслями. – Мы к тебе с просьбой.

– Что же. – Седой хозяин кивнул мне. – Друзья моих друзей – мои друзья. Милости прошу в дом.

И он зашагал к крыльцу, не оглядываясь, уверенный, что мы последуем за ним.

Мы последовали. Я пыталась поймать взгляд Бранко, получить хоть какое-то объяснение происходящему, но он упрямо смотрел себе под ноги. А потом уже и я забыла обо всём, потому что изнутри дворец того, кого мой спутник назвал Робом, оказался ещё роскошнее, чем снаружи.

Я думала, что уже видела роскошь. В Оазисе. Айсберг был шикарным отелем, чего стоил хотя бы пентхаус Ховрина с прозрачным потолком и гранитным камином. Но и он не шёл ни в какое сравнение с тем, что предстало моему взору здесь в последующие часы.

Первое, что сделал Роб, рассмотрев нас получше – отправил мыться. Так и сказал, что не умеет общаться с теми, кто, судя по запаху, ночевал в мусорном баке. Видимо, старый зна-

комый Бранко привык без церемоний говорить всё, что думает. А почему бы и нет, если положение позволяет?

Разумеется, в таком огромном доме оказалась далеко не одна ванная комната, и я разлучилась со своим спутником, зато обрела сопровождение в виде молчаливой горничной, которая проводила меня по месту назначения, выдала огромное пушистое полотенце, одноразовый набор банных принадлежностей и даже совсем новенькие, в хрустящей целлофановой упаковке, халат и тапочки. Так же молча подхватила и унесла мою одежду, едва только я переступила бортик ванны. Я бы уже не удивилась, вернись она для того, чтобы собственноручно помыть меня, но такого, к моему облегчению, не произошло.

В ванне я нежилась долго. Сначала, закрыв глаза, просто лежала в тёплой пенной невестомости, потом осторожно вымыла голову: под волосами ныли незажившие порезы. Большой и очень мягкой губкой помассировала тело, с горечью отметив, как похудела за последние дни: кости, казалось, выпирали отовсюду, даже оттуда, где их по определению быть вроде не должно. А когда почувствовала, что вот-вот усну, сморённая теплом и тишиной, с сожалением выбралась из воды. Вытерлась, намотала полотенце на мокрые волосы и едва успела накинуть халат, как появилась горничная, словно всё это время стояла за дверью. А может, так и было: наверняка в этом доме слуги вышколены до идиотизма.

Мне выделили угловую комнату на третьем этаже, маленькую, но очень уютную. С пушистым ковром на полу (здесь вообще было очень много пушистого) и неширокой, но мягкой кроватью, при одном взгляде на которую ещё больше захотелось спать.

– Отдохните, барышня, – сказала горничная, будто прочитав мои мысли. – Вас позовут к ужину.

Наверное, за то время, что я отмывалась и отлёживалась, Бранко и Роб успели всё обсудить и решить, потому что ужин в просторной столовой с камином, хрустальными люстрами и прислуживающим нам официантом, куда я явилась уже затемно, проходил в непринуждённой светской обстановке. Я в основном сидела молча и только азартно поглощала выставленное на столе. А выставили туда многое, так что мне, изголодавшейся вкрай, было где разгуляться. Не смутили даже многочисленные столовые приборы по обе стороны моей тарелки. Я вспомнила уроки этикета, которые успела усвоить в Оазисе, и, вооружённая этими знаниями, справлялась совсем неплохо. Тем более что на меня всё равно никто не обращал внимания.

Бранко и Роб о чём-то оживлённо разговаривали, время от времени переходя на неизвестный мне язык. И не нужно было прислушиваться к их разговору, чтобы понять, что это добрая беседа старых друзей, которым есть что вспомнить. А судя по тому, как седой хозяин время от времени протягивал руку и нежно касался пальцев Бранко, – не просто друзей.

О моём присутствии вспомнили, только когда я с сытым видом откинулась на спинку стула и не сдержала широкого зевка. Хозяин дома тут же обернулся ко мне с вежливой улыбкой:

– Однако я совсем не уделяю внимания своей гостье и прошу за это прощения. Вы готовы к разговору, барышня?

Я на тот момент уже наелась, если не объелась, и пребывала от этого почти в эйфории, поэтому благосклонно кивнула. Что угодно, щедрый человек.

– Бран описал мне твою ситуацию, – интеллигентным приятным голосом заговорил Роб. – И если ты согласна выслушать мнение взрослого и, поверь, много повидавшего человека, то мой тебе совет – не ищи новых приключений, а жди помощи своего покровителя. Безопасную связь я вам обеспечу завтра же.

Я перевела вопросительный взгляд на Бранко, и он добавил проще:

– Короче, не дёргаемся и ждём помощи Ральфа. Здесь мы в безопасности.

Я еле сдержалась, чтобы раздражённо не закатить глаза, но решила оказать максимум уважения гостеприимству этого дома, поэтому лишь вежливо качнула головой:

– Спасибо, но для меня куда важнее найти своих друзей, они ждут меня.

– А если не ждут? – спросил Роб, не сводя с меня внимательного взгляда. – И пусть мне совсем не хочется такое говорить, но давайте рассматривать все возможные варианты – если уже некому ждать? Насколько я понял из рассказа Брана, твои друзья ступили на скользкую дорожку.

Я неопределённо пожала плечами. Сытому голодного не понять, и как я сейчас могу объяснить этому избалованному судьбой, имеющему всё, что только можно возжелать, человеку, что у одних иногда просто нет иного выбора, кроме как ступить на скользкую дорожку, а у других – кроме как последовать за ними?

– Я же говорил, – Бранко развёл руками, – она не будет это даже обсуждать.

Роб по-прежнему не сводил с меня глаз, и я, чтобы не показаться невежливой или неблагодарной, неохотно промямлила:

– Понимаете, я должна... даже если нет никаких вестей, мне нужно в этом убедиться.

– Но что, если вестей действительно не будет? – настаивал Роб. – Я правильно понимаю, что у вас нет никакого способа связи, кроме тайника под деревом?

Я неласково зыркнула на Бранко – зачем нужно было посвящать постороннего в подробности? Но он не выказал никакого смущения, а Роб, правильно истолковавший мой взгляд, спокойно пояснил:

– Я беру на себя некоторые риски, давая вам приют в своих стенах, и имею право знать правду.

Кажется, я покраснела. Что ж, остаётся надеяться, что Бранко не ошибается в этом человеке. Словно спеша подтвердить это, Роб сказал:

– Дело твоё, я ни в коем случае не собираюсь на чём-либо настаивать. Просто хотел сказать, что если передумаешь, то можешь оставаться здесь столько, сколько нужно.

– Спасибо. – Я по-прежнему чувствовала себя неловко, но должна была спросить: – Вы не могли бы... помочь мне узнать адрес приюта, в котором я жила раньше?

Роб с готовностью кивнул:

– Непременно. Более того, завтра я попрошу моего водителя отвезти тебя туда и подождать, на случай, если ты не найдёшь того, чего ищешь, и захочешь вернуться.

– Спасибо, – снова сказала я, на этот раз искренне. – Большое вам спасибо.

Хозяин лишь кивнул, а Бранко неожиданно заявил:

– Тогда я поеду с ней.

– Зачем? – спросили дуэтом я и Роб.

– Затем! – Бранко помахал в воздухе ладонью, словно не в силах подобрать слова, но всё же пояснил: – До сих пор мы были вместе, так что это будет правильно. Прокачусь.

– Ах, черти молодые! – Роб вдруг задорно хлопнул в ладоши. – Тогда и я с вами! Тряхну стариной, поучаствую в аванюре.

Не сказать, что я была в восторге от образовавшейся вдруг тесной компании, готовой вместе со мной отправиться на поиски весточки от Яринки и Яна, но возражать не стала. В конце концов, оба мужчины всего лишь хотели мне помочь.

Тем бы этот долгий, насыщенный день и завершился, не взбреди мне в голову перед сном заглянуть к Бранко и пожелать ему спокойной ночи. Радужный Роб разместил нас в соседних комнатах, из столовой мы поднялись вместе и скрылись каждый за своей дверью. И позже, почистив зубы и уже разложив постель, я вдруг решила совершить визит вежливости.

Наверное, те трое суток, что мы с Бранко провели вместе, спали рядом, делили пополам хлеб-соль и все опасности дороги, настроили меня на панибратский, даже бесцеремонный лад. Мне не пришлось в голову постучать, прежде чем вломиться к нему в комнату. Впрочем, я не увидела там ничего такого, чего бы не наблюдала до этого в Оазисе.

На широкой двуспальной кровати, в полумраке, сплелись в объятиях два полураздетых тела. Ничего примечательного в этом не было бы, не окажись оба тела мужскими. И принадлежавшими, несомненно, Бранко и Робу.

Выскочила я сразу, но слишком поспешно прикрыла дверь, и она громко щёлкнула замком. Не дожидаясь реакции на своё вторжение, я шмыгнула в свою комнату, но слышала, как кто-то вышел в коридор и не спеша спустился по лестнице. А спустя полминуты ко мне заглянул Бранко.

– Не спишь? – спросил он явно от растерянности и смущения, поскольку не мог же действительно думать, что я вдруг успела крепко заснуть после всего увиденного.

– Нет ещё, – так же глупо отозвалась я, и мы замолчали, глядя друг на друга. В итоге решив, что раз столь неловкая ситуация возникла по моей вине, то мне и заглаживать вину, я сказала:

– Прости, мне не надо было заходить вот так. Как-то не подумала, что ты можешь быть не один...

– Да всё нормально. – Бранко прикрыл за собой дверь и прошёл к подоконнику. Задумчиво уставился во тьму за стеклом. – Понимаешь, Роб и я... мы были вместе. Давно. И расстались не очень хорошо. В подробности вдаваться не буду, но он передо мной кое в чём виноват, поэтому я ушёл. Он звонил мне, писал, просил прощения, умолял вернуться... Сегодня мы увиделись впервые за много лет.

Я вспомнила то, каким нервным и растерянным выглядел Бранко всю дорогу. Теперь понятно, почему.

– Я не думаю, что у нас получится начать всё сначала, не хочу этого, – продолжал он, не глядя на меня. – Но сегодня что-то нашло... ностальгия, может? В общем, ты очень вовремя зашла, не нужно, чтобы Роб думал, будто у нас может быть всё по-прежнему.

Я не знала, что можно ответить на эти неожиданные откровения, и спросила просто, чтобы не молчать:

– Его правда зовут Роб? Он тоже с Запада?

Но Бранко мотнул головой:

– Нет. Это мы с ним... наши прозвища. Я Бран, он Роб. На самом деле Роман. Роман Ильич.

Я кивнула, запоминая. Снова повисло молчание, но Бранко не уходил. Вспомнилось, что за ужином они с Робом-Романом пили вино, которое то ли забыли предложить мне, то ли не стали этого делать ввиду моего юного возраста. И подумала, что, возможно, внезапная откровенность Бранко объясняется очень просто – алкоголем.

– Ты хочешь поговорить?

Он словно очнулся, оторвал взгляд от окна. Поднял руку к голове, провёл по ней, словно желая пригладить волосы, наткнулся на жёсткий ёжик, чертыхнулся.

– Нет... знаю, прозвучит ужасно глупо, но я пытаюсь отсидеться в безопасности.

– Боишься, что Роб... Роман Ильич снова придёт?

Бранко почти печально покачал головой:

– Он второй раз не придёт. Боюсь, что я сам пойду к нему.

Я недоумевала. Нет, меня совершенно не смущал тот факт, что под одной крышей со мной внезапно двое мужчин могут заняться сексом. Да пусть хоть волосы на задницах рвут, какое мне дело? Я и раньше не испытывала никакого предубеждения при упоминании об однополый любви, даже когда воспитывалась в приюте, где осуждались любые отношения, кроме тех, которым предшествовало венчание в церкви. А уж в Оазисе и вовсе избавилась от способности удивляться чьим-либо предпочтениям: там было нормой всё, что только могло прийти в голову искущённым гостям. Тем более что Бранко мне нравился, Роман Ильич вроде тоже был

неплохим мужиком, так что совет бы им да любовь! Удивляло лишь, как Бранко сопротивляется тому, чего, кажется, сам очень хочет.

– Ну так и иди. Что тут такого?

– Долгая история. – Парень глубоко вздохнул, и в воздухе повис ягодный запах вина. Да, похоже, во время ужина, пока я была увлечена поглощением всего, до чего смогла дотянуться, Бранко налегал вовсе не на еду.

– Ну, тогда оставайся у меня, – съехидничала я; уже очень хотелось спать. – Нам не привыкать ночевать вместе, можем даже костёр на полу развести. Обещаю, что не отпущу тебя к твоему Робу.

Бранко ехидства не понял и вроде даже принялся обдумывать моё предложение всерьёз. Но потом решительно тряхнул головой и направился к двери.

– Нет, так дело не пойдёт. Я здесь не на одну ночь, а каждый раз полагаться на тебя будет стыдно.

И вряд ли возможно. Не знаю, откуда у меня взялась уверенность, что завтра я не вернусь в роскошный дом Романа-Роба: нашептал ли голос-без-слов, или я просто принимала желаемое за действительное в надежде, что обнаружу в тайнике весточку от Яринки и отправлюсь на её поиски, но сомнений не возникало. В последующие ночи Бранко придётся самому усмирять свои желания.

На завтрак меня пригласила всё та же молчаливая горничная, непонятным образом материализовавшаяся в комнате, несмотря на то что я прекрасно помнила, как перед сном запирала дверь изнутри. Спала я крепко, ничего не слышала и не знала, удалось ли Бранко справиться с собой и остаться в одиночестве. По крайней мере, оба они, мой спутник и его давний друг, вели себя за завтраком вполне обыденно.

Тянуть с задуманным тоже не стали. И уже через полчаса после пробуждения я сидела на заднем сиденье очень низкой и длинной машины, больше похожей на пулю, и смотрела сквозь тонированное стекло на убегающие назад шикарные дома Черешнино. А скоро они исчезли, и по обе стороны дороги потянулся лес, время от времени сменяющийся то заборами, то невысокими промышленными зданиями. Очень знакомый лес из высоких корабельных сосен...

– Оказывается, твой приют совсем недалеко, – весело сказал сидящий рядом Бранко, словно прочитав мои мысли. – За час доберёмся.

Я не смогла ничего ответить, только кивнула: от волнения пересохло во рту. Принялась нервно тереть рукав платья (моя одежда, чистая и выглаженная, обнаружилась утром в ванной комнате). Роб-Роман сидел впереди, рядом со шкафообразным водителем в тёмных очках. Присутствие этого человека нервировало меня – слишком уж он походил на молчаливых горилл – охранников Ховрина, – но это было, пожалуй, единственное, что омрачало дорогу. Утреннее солнце освещало верхушки сосен, делая их стволы золотистыми, над землёй ещё парил невесомый туман, сквозь который блестела роса. Сегодняшнее утро один в один походило на то, которым мы с Яринкой проснулись в свой первый день побега. Это вернуло мне чувство дежавю, а с ним – и внутреннюю уверенность в том, что весточка от подружки будет.

Не знаю, ехали мы час, как сказал Бранко, или дольше: для меня время замерло, – но момент приближения к приюту я почувствовала так же остро и безошибочно, как вчера чувствовала вырастающую впереди Москву. Просто вдруг неуловимо сдвинулось пространство вокруг, и я поняла, что знаю и помню это место. В тот же миг машина начала тормозить.

– Твой приют там. – Роман Ильич обернулся с переднего сиденья и махнул рукой на деревья, возле которых мы съехали на обочину. – К воротам, я так понимаю, тебе лучше не соваться? Так что если сейчас немного пройти через лес, то выйдешь...

– К забору! – подхватила я, от возбуждения снова запутавшись в ремне безопасности. – Я помню, куда идти. Спасибо вам!

– Подожди. – Бранко положил ладонь мне на локоть. – Я пойду с тобой.

– Но...

– Пойду с тобой до вашего тайника. Если ты в нём ничего не найдёшь, мы вернёмся. Не оставлять же тебя одну в лесу!

Я невольно посмотрела на Роба-Романа, но он спокойно кивнул:

– Само собой. Я подожду. И, если что, можешь оставаться в моём доме столько, сколько нужно для того, чтобы тебе помог твой покровитель.

– Спасибо, – снова сказала я, подумав вдруг, что мне даже в голову не пришло спросить у Бранко: а звонил ли он уже «моему покровителю», или ещё нет? Но от того приступа тоски по Ральфу, что посетил меня прошлым утром, не осталось и следа.

Снаружи оказалось свежо, куда свежее, чем было перед домом Романа Ильича. Не то погода успела измениться за то время, что я провела в машине, не то близость леса, ещё хранящего ночную зябкость, добавляла прохлады, но моя голая шея и кисти рук покрылись мурашками, едва я ступила на обочину. Ступила, вдохнула местный воздух, полный запаха хвои, сосновой смолы, мягкой сырой почвы, и зажмурилась от нахлынувших воспоминаний. Именно этим воздухом я дышала каждое утро, открывая окно в дортуаре, этот лесной аромат втягивала ноздрями, подходя к забору, готовясь сбежать в очередной свой вольный день...

Здесь ничего не изменилось. И хотя, казалось бы, что может измениться за два года на небольшом отрезке дороги в окружении сосен, но меня не покидало ощущение прыжка во времени, того, что я вернулась в прошлое, в первое утро нашего с Яринкой побега.

И лишь Бранко, неотступно шагающий следом, разрушал эту иллюзию. Но он хотя бы молчал, и я была ему за это благодарна.

Показалось, что шли мы очень долго. Сосны и кусты сменяли друг друга, под ногами хрустел валежник, пели птицы в кронах, а лес всё не кончался. В прошлый раз, когда я бежала здесь в ночной темноте, подгоняемая заревом пылающей за спиной церкви, мне показалось, что от забора приюта до дороги совсем недалеко. Но сейчас мы всё шли и шли, а деревья впереди не расступались. И я уже начала думать, что произошла ошибка, что Роб-Роман привёз меня в другое место и надо возвращаться, когда чуть не споткнулась о заросшую мхом поваленную сосну. Ту самую, под которой прятала рогатку, на которой сидела с Дэном во время наших редких встреч. Ту, к которой и стремилась попасть с момента нашей с Яринкой разлуки.

Я остановилась так резко, что шедший по моим следам Бранко налетел на меня, чуть не сбил с ног и ухватил за плечи, удерживая на ногах.

– Чёрт! Ты что?

Он принялся настороженно озираться, наверное, подумав, что я увидела кого-то постороннего или нечто подозрительное, потом вопросительно уставился на меня. А я стояла, глядя себе под ноги, сердце колотилось где-то в горле, пальцы подрагивали. Как часто бывает, что мы отчаянно рвёмся к чему-то, а когда до желанной цели остаётся один шаг, останавливаемся? Что, если сейчас произойдёт самое страшное? Я раскидаю листву под сосной, отложу в сторону куски дёрна, просуну руку в пустоту тайника под ними и не обнаружу там ничего, кроме подземной влаги?

Я лихорадочно попыталась вспомнить, прикрыли ли мы с Яринкой наш тайник хоть чем-нибудь после того, как забрали оттуда рогатки в ночь побега? Кажется, нет, мы же страшно торопились. Сделав над собой усилие, я подалась вперёд, перешагнула через сосну и скосила глаза влево, к тому её концу, что когда-то был основанием ствола.

Ровно. Никаких следов тайника, лишь прошлогодняя листва, сухие сосновые иглы и начавшая робко пробиваться из-под земли весенняя травка.

Сердце перестало биться в горле и рухнуло в пятки. Так Яринка была здесь? Была и положила что-то в тайник, тщательно замаскировав его после?

– Почему мы стоим? – В голосе Бранко сквозило раздражение. – Далек ещё идти?

– Нет, – отозвалась я не своим голосом. – Совсем чуть-чуть.
И зашагала от сосны по прежнему направлению.

Не то чтобы я совсем струсилась, хотя и не без этого, но вдруг отчаянно захотелось увидеть забор, отделяющий лес от приюта, прикоснуться к его шершавой поверхности, на мгновение ещё глубже погрузиться в прошлое...

На этот раз идти долго не пришлось: через несколько минут деревья поредели, между ними показался просвет, а в просвете – светло-серая полоса бетона. И здесь изменения были. Я замедлила шаги, осматриваясь, и скоро поняла, в чём дело. Деревья, что раньше росли за забором, раскидистые клёны и ясени, исчезли. Вместо их крон зияло пустое пространство с виднеющимися в отдалении верхними этажами зданий.

– Это твой приют? – с любопытством спросил Бранко, останавливаясь рядом со мной.

– Да, – грустно вздохнула я, глядя на забор, который казался осиротевшим без густой поросли ветвей над ним. Наверняка деревья срубили после нашего с Яринкой побега, догадались, как мы ушли из приюта, и позаботились о том, чтобы такого больше не повторилось. И теперь на той стороне никто не может подойти к забору, не будучи замеченным.

Я перевела взгляд выше, отыскала глазами девчачий корпус, шестое справа окно на четвёртом этаже, и сердце защемило от грусти. Кто теперь спит на нашей с Яринкой кровати? Кто сидит по вечерам на широком удобном подоконнике? Кого будят на рассвете косые лучи встающего солнца, падающие в высокое окно? Там ли ещё Зина и Настуся, или их желания осуществились, и они вышли замуж? Моим соседкам, как и мне, нынче идёт пятнадцатый год, а значит, они уже могут оказаться семейными женщинами. Хотелось бы мне знать, как сложилась их судьба...

– Так где ваш тайник? – поторопил меня Бранко, о котором я, погружённая в воспоминания, успела напрочь забыть.

– А... там! – Я махнула рукой себе за спину, продолжая смотреть на окно дортуара, в котором провела три года своей жизни. Удивительно, вот уж не думала, что когда-нибудь снова побываю здесь...

– Так, может, пойдём уже? Роб ждёт.

– Подождёт твой Роб! – неожиданно для самой себя я разозлилась, – Ты вообще мог с ним остаться!

Бранко замолчал, кажется, обиделся. Мне тут же стало неловко за свой выпад, но я решила приберечь извинения на потом, а пока, бросив последний взгляд на приют, из-за забора которого еле слышно доносились детские голоса (не то малышня возилась на игровой площадке, не то мальчишки играли на стадионе), и зашагала обратно в лес.

Теперь мне уже не было страшно: наверное, я слишком боялась по пути сюда, и все запасы страха иссякли. Пока мы возвращались к поваленной сосне, я даже поверила в то, что ничего страшного не случится, если я обнаружу тайник пустым. Тогда просто вернусь в дом Роба и буду ждать помощи Ральфа. А уж он что-нибудь придумает, он очень умный, наверняка подскажет, где можно отыскать моих друзей.

Но тайник не пустовал.

Когда я разобрала маскировку из опавшей листвы вперемешку с дёрном и просунула руку в углубление под ним, пальцы сразу наткнулись на что-то твёрдое и шуршащее. Это оказалась коробочка из плотного картона, в несколько слоёв обернутая в целлофан, закреплённый скотчем. Мои руки тряслись как в лихорадке, пока я срывала его ногтями, стоя на коленях перед упавшей сосной, словно благодаря её за этот дар.

Бранко сжалился, помог, разорванный целлофан полетел на землю, туда же отправилась крышка коробочки. Сама коробка оказалась почти пустой, не считая сложенного вчетверо листа бумаги. Я развернула его, изрядно помяв непослушными пальцами, и впиалась глазами в

неровные строчки, написанные крупным угловатым почерком. Яринкиным почерком, который я узнала бы из тысячи других.

«Здравствуй, сестрёнка Д. Д.! – писала моя далёкая подруга, не используя ни имён, ни названий мест. – Я очень надеюсь, что ты это читаешь, что ты вырвалась и нашла тех, кто помог тебе добраться сюда. А теперь слушай, что делать дальше. Найди того, кого ты встретила в лесу, когда потеряла планшет, того, кто поймал, но отпустил нас ночью у церкви. Он до сих пор там, где раньше. Постарайся связаться с ним ночью, чтобы этого не видел никто другой. Жди у забора, они ходят там несколько раз в сутки, но не попадайся на глаза никому, кроме него. Он даст нам знать, что ты здесь, и мы сразу придём за тобой.

Целую тебя, очень скучаю и надеюсь на скорую встречу! Удачи и везения!

Твоя сестра Я. Я.».

У меня намокли ресницы ещё на первых строчках. Яринка никогда не называла меня сестрой. Видимо, что-то изменилось за то время, что мы не виделись. Но, несмотря на слёзы, которые я не могла, да и не пыталась сдержать, на моём лице появилась и улыбка. Подруга осталась всё той же насмешливой и дерзкой Яринкой, которую я знала и любила, – даже в таком серьёзном и анонимном послании она не обошлась без юмора, ведь загадочные аббревиатуры Д. Д и Я. Я. означали не что иное, как дурацкие псевдонимы, которыми нас наградили в Оазисе: Дикая Дайника и Яростная Ярина.

Кое-как справившись с эмоциями, я постаралась вернуться к проблемам насущным и ещё раз, уже гораздо внимательнее, перечитала письмо.

– И что всё это значит? – озвучил мои мысли Бранко, который всё это время стоял за моей спиной и глядел через плечо. – Ты поняла, что тебе хотели сказать?

Поняла ли я?

«Найди того, кого ты встретила в лесу, когда потеряла планшет, того, кто поймал, но отпустил нас ночью у церкви».

Что же, здесь долго думать не надо, речь идёт явно о Белёсом, об озабоченном охраннике приюта, которого так ловко загнал в ловушку Дэн и который после стал невольным помощником *других*. В памяти зазвучал глуховатый голос Михаила Юрьевича: «Тот компромат, который вам с Денисом удалось получить на него прошлым летом... оказался слишком хорош, чтобы этим не воспользоваться. К сожалению, люди в наши ряды попадают и таким образом».

Я подняла руку с зажатым в ней письмом и постучала себя по голове под недоумённым взглядом Бранко. Как так получилось, что мы с Яринкой, гадая, каким образом можно разыскать Дэна и *других*, ни разу не вспомнили о Белёсом?! О Белёсом, который, пусть и против своей воли, подчиняясь шантажу, но стал одним из них? О, глупые куры...

– Так что это значит? О ком речь? – снова спросил Бранко, за время моего молчания наверняка успевший ещё раз перечитать Яринкино послание. – Ты знаешь, что делать дальше?

– Да, – ответила я, счастливо улыбаясь. – Теперь знаю.

– Ну и слава яйцам... – несколько озадаченно буркнул парень. – Значит, со мной не вернёшься?

– Нет, остаюсь здесь.

Что там написала Яринка?

«Он до сих пор там, где раньше. Постарайся связаться с ним ночью, чтобы этого не видел никто другой. Жди у забора, они ходят там несколько раз в сутки, но не попадайся на глаза никому, кроме него».

Здесь тоже всё ясно. Белёсый по-прежнему работает в охране приюта и делает обходы по ночам. Моё дело – дождаться его. Одного.

А ждать я готова сколько угодно.

Бранко топтался рядом, наверное, ему было неловко просто взять и оставить меня посреди леса. Да и мне не хотелось вот так сразу расставаться, тем более что времени до ночи была ещё прорва.

– Пойдём, я провожу тебя к машине, – предложила я, поднимаясь на ноги и пряча драгоценное письмо в карман платья. – Заодно ещё раз поблагодарю Романа Ильича за помощь. И тебе... спасибо огромное! Я бы пропала одна.

– Ну-ну! – Бранко торопливо замахал руками, без всякого позерства, видимо, его в самом деле смутила моя благодарность. – Проехали. Слушай, а точно всё хорошо? Я не собираюсь выведывать, кто тот человек, с которым тебе велели встретиться, но ты точно уверена, что всё поняла правильно?

Мы шли обратно по утреннему лесу, только клочья тумана между деревьями уже успели растаять.

– Да, – ответила я Бранко, удивляясь тому, как преобразается окружающий мир в соответствии с миром внутренним, – теперь всё вокруг словно светилось, и оставалось только удивляться, как я не заметила этой красоты по пути сюда. – Ошибки быть не может, не беспокойся.

– Ну, смотри. – Голос парня по-прежнему звучал неуверенно. – Только, знаешь, надо нам всё-таки связь не терять. Сейчас вернёмся к Робу и придумаем, как сделать так, чтобы ты в случае чего могла меня найти. Может, он разрешит дать свой номер телефона.

– Хорошо, – согласилась я, чтобы не обижать Бранко, который искренне беспокоился.

Но для меня самой уже и Роб, и его дом-дворец, и всё, что предшествовало этому, отодвинулось в дальние дали, в невозвратное прошлое, туда же, где теперь были Оазис и Ральф. Мир снова, как и два года назад, сомкнулся вокруг меня кольцом моего леса.

Остаток пути мы преодолели молча. И теперь он снова показался мне коротким. Что ж, время, как выясняется, – понятие весьма и весьма субъективное, пора к этому привыкать.

Когда между деревьями заблестели под утренним солнцем тонированные стёкла автомобиля Роба-Романа, Бранко ускорил шаги, и я оказалась за его спиной. Поэтому не сразу поняла, почему он вдруг резко остановился, едва ступив на обочину дороги. А когда поняла – было уже поздно.

Рядом с автомобилем, что привёз нас сюда, стоял ещё один, такой же чёрный и вытянутый, но побольше. И от него навстречу нам шагнули люди. Мужчины. Глядя на них, я чуть не закричала – показалось, что это выбрались из моря brave молодчики Ховрина: те же квадратные фигуры, те же широкие челюсти, те же бритые головы и холодные, безучастные, какие-то рыбы глаза...

Но нет, это были другие молодчики. Не ховринские. Но и не Романа Ильича.

Бранко подался было назад, но сразу как-то обессиленно замер. Я его понимала, сама чувствовала себя кроликом под неподвижным взглядом удава.

Молодчики, а их оказалось ни много ни мало – четверо, обошли нас с Бранко с двух сторон и встали, отрезая пути к отступлению. Только тогда я увидела, что Роман Ильич как ни в чём не бывало стоит у приоткрытой дверцы своей машины и добродушно щурится на солнечные лучи.

– Роб! – позвал его Бранко. – Что происходит?

Тот слегка развёл руками:

– Прости, Бран! Ты сам сделал этот выбор, когда уехал и сказал, что отныне я тебе никто. А за постороннего я впрягаться не стану. Так что ничего личного, только забота о собственных интересах.

Кажется, до Бранко не сразу дошёл смысл сказанных слов, он молчал несколько долгих секунд и лишь потом как-то беспомощно выдохнул:

– Подонок...

– Нет, – почти весело возразил ему Роман Ильич. – Деловой человек.

С еле слышным шелчком приоткрылась задняя дверца чужого автомобиля. Из неё показалась нога в блестящем кожаном ботинке и отутюженной брючине. Затем украшенная массивным перстнем рука взялась за край дверцы. И, прежде чем на свет показалось всё остальное, я уже знала, кто это. Словно из зловещей машины пахнуло солёным морским ветром и запахом дорогого алкоголя вперемешку с дымом сигар. Словно донёсся до ушей шум волн, разбивающихся о скалистый берег Русалкиной ямы.

Оазис догнал меня.

И я не попыталась убежать или хотя бы позвать на помощь, когда увидела направляющегося к нам Бурхаева.

Глава 5

Подвал

Под самым потолком светилося окошко, и в него заглядывал кусочек серого рассветного неба с одинокой тускнеющей звездой. На окне не было решётки, но это не имело значения – через него не протиснулась бы и кошка, скорее вентиляционное отверстие, а не окно. И слишком высоко. Пожалуй, встань я на плечи Бранко, дотянулась бы, но зачем? Кричать, звать на помощь бессмысленно, слишком велика территория, окружающая дом (усадьбу, виллу?) в подвале которого нас заперли. Ни до кого не докричишься.

Я в очередной раз машинально дотронулась ладонью до того, что осталось от моих волос, подтянула колени к груди, свернулась калачиком, прижавшись спиной к также сиротливо свернувшемуся Бранко, пытаюсь хоть немного согреться. Никаких одеял или одежды нам, конечно, не дали, спасибо хоть здесь оказались деревянные поддоны и не пришлось спать на земляном полу. А под утро в сыром подвале стало не просто зябко – холодно. Но я в глубине души даже радовалась этому. Холод не давал возможности думать, сводил моё существование до границ трясущегося тела, не позволяя мыслям уходить за его пределы, уходить и возвращаться, принося с собой невыносимое чувство вины за совершённое вчера предательство.

Бранко едва слышно застонал во сне. Ему тоже досталось, и наверняка пережитый ужас ещё долго будет тревожить его по ночам. Только Белёсый дрых как сурок, время от времени оглашая подвал громовыми всхрапами.

Я покосилась на него с ненавистью. Конечно, такого мерзавца и пугать не пришлось, сам всё рассказал. Наверное, ещё и порадовался возможности насолить людям, которые держали его на крючке! Только интересно, он всерьёз рассчитывает, что теперь его отпустят отсюда на все четыре стороны?

Ещё раз с тоской посмотрев на заглядывающую в подвальное окошко лучистую звезду, я закрыла глаза, в сотый раз пытаюсь уснуть, чтобы дать хоть немного покоя измученному разуму. Но разум не хотел покоя, вместо этого вновь и вновь возвращая меня во вчерашнее утро, как будто это могло что-то изменить...

– Ну, здравствуй, – молвил Бурхаев, впери в меня холодный испытующий взгляд. – Вот и свиделись. А ты молодец! И от Ховрина ушла, и от Карла ушла – только вот от меня ещё никому не удавалось уйти.

Я безнадежно смотрела на него, сжимая в кармане Яринкино письмо. Разум отказывался осознавать происходящее. Два абсолютно чуждых друг другу мира, приют и Оазис, не могли, не должны были соприкоснуться! Появление Бурхаева здесь, возле моего леса, казалось таким же абсурдом, как если бы вдруг в Оазис нагрянули Агафья или батюшка Афанасий. Поэтому я не задумалась ни о том, что могло понадобиться от меня отцу Яна, ни о том, как он сумел нас разыскать. Не попыталась убежать или хотя бы ответить на его ехидное приветствие. Просто

стояла и смотрела. Бранко тоже стоял и смотрел, но не на Бурхаева, а остановившимся взглядом – в пустоту.

Не дождавшись от нас никакой реакции на своё эпатажное появление, Бурхаев заметно поскучнел. Его лицо приняло брюзгливое выражение, он раздражённо бросил в пространство: – Общайте их! – и сложил руки на груди, ожидая выполнения своего приказа.

Мне на плечи, пригвозждая к месту, тут же легли тяжёлые лапы одного из молодчиков, другая пара лап принялась деловито и со знанием дела шарить по телу. Через несколько секунд мою руку выдернули из кармана и, легко разжав отчаянно стиснутые пальцы, отобрали Яркино письмо. Я попыталась выхватить его, закричать, взмолиться – что угодно, лишь бы вернули то, что на данный момент было для меня средоточием всего сущего. Ведь им-то оно совсем не нужно!

Но оказалось, что очень нужно. Не меньше, чем мне.

Бурхаев жадно выхватил письмо из рук поспешившего к нему охранника, развернул, забегал взглядом по строчкам. Задумался. Перечитал ещё раз. И перевёл взгляд на меня, удовлетворённо улыбаясь.

– Вот спасибо, хорошо! Вот как всё чудесно сложилось, а? Я. Я. – это твоя подруга Ярина, правильно? Бегляночка наша рыженькая. А значит, с ней и мой сынок, где же ему ещё быть, олуху? Я знал, что ты меня к ним приведёшь. Если бы ваша жадная овца Ирэн отдала тебя мне, а не дураку Ховрину, не пришлось бы и время терять. Но ты молодец, молодец, и от Ховрина ушла, и от Ирэн ушла...

Он бормотал что-то ещё, снова глядя в письмо, бережно разглаживая его пальцами, но я уже не слушала. Внезапно всё встало на свои места. Опасаясь Ховрина, я совсем забыла о том, что у меня есть ещё один враг! И если Ховрин хотел лишь отомстить за унижение, которое пережил по моей вине, то отец Яна обладал куда более весомыми мотивами для нашей встречи. Глупо было думать, что он оставит попытки найти и вернуть блудного сына в родные пенаты. А заодно наказать тех, кто способствовал его проступку.

Вдали показалась машина. Сияя солнечными бликами на лобовом стекле, мчалась в нашу сторону. У меня мелькнула наивная надежда на то, что это, как в хорошем кино, к нам с Бранко мчится помощь. Представился Ральф, такой, каким он был, когда ворвался в кабинет Ирэн, где я оказалась в ловушке между ней и Бурхаевым. Ральф с холодным взглядом почерневших глаз, весь словно вибрирующий от еле сдерживаемой ярости.

Но машина пронеслась мимо, не снижая скорости. Зато встрепенулся Бурхаев, до сих пор, словно под гипнозом, не сводящий глаз с Яркиного письма.

– Так, ладно, – бросил он своим рыбоглазым молодчикам, – давайте этих в машину, продолжим наш разговор в более спокойном месте.

Тяжёлые лапы, что до сих пор лежали на моих плечах, сжались. Я, почти повиснув в воздухе, стремительно переместилась с обочины в услужливо распахнутую заднюю дверцу чёрного автомобиля. И, не успев даже толком сообразить, как это произошло, уже сидела между одним из бурхаевских здоровяков и им самим, совсем как три дня назад в машине Ховрина. И от этого зловещего совпадения почувствовала себя совсем уж беспомощной, как в одном из тех замкнутых в кольцо кошмарных снов, когда снова и снова повторяется одна и та же жуткая ситуация, из которой не можешь вырваться, как не можешь и проснуться...

Бедолаге Бранко места в машине не осталось, и его, недолго думая, запихнули в багажник. Бранко не возражал, он вообще вёл себя вполне достойно, невозмутимо смотрел поверх голов, не издал ни звука и не удостоил никого взглядом – даже Романа Ильича. А вот тот, напротив, смотрел на Бранко неотрывно, и было в его глазах, как мне показалось, неподдельное сожаление.

Севший за руль молодчик рванул с места так, что меня вжало в спинку сиденья, мягкого как пух. И пусть я совершенно не разбираюсь в автомобилях, но по ощущениям машина Бурхаева была даже лучше и дороже, чем у Ховрина или Роба.

На этот раз путешествие длилось дольше. Пустынная дорога возле приюта осталась позади и сменилась оживлённой трассой, потом – многополосным шоссе, где мы мчались в окружении сотен других машин, сотен других людей, ни одного из которых я не могла позвать на помощь. Пару раз мелькнула мысль сделать ход конём, повторить свой коронный номер с неожиданным выкручиванием руля в пропасть! Только где здесь пропасть? Хотя, наверное, можно неплохо разбиться и на шоссе, среди плотного потока автомобилей, только как быть с Бранко? Честно ли будет принять такое решение и за него тоже? Но, пока я предавалась этим размышлениям, вопрос решился сам собой. Машину слегка потрянуло, я пошевелилась в попытке сесть поудобнее, и тут же тяжёлая ручища бурхаевского громилы легла мне на плечо, впечатала в сиденье и больше уже не отпускала. Похоже, цепные псы у отца Яна были натасканы получше ховринских.

А сам Бурхаев всю дорогу молчал, в отличие от того же Ховрина, начавшего меня кошмарить с начала пути. И молчание это было страшнее любых угроз. Украдкой, искоса, я поглядывала на Яринкиного мучителя и всё больше убеждалась, что он по-настоящему, без капли притворства спокоен, уверен в себе и полностью удовлетворён происходящим. В конце концов, не выдержав испытания тишиной и неизвестностью, я заговорила сама:

– Куда вы нас везёте? Что вам от меня нужно?!

Ответа не последовало, только лапа рыбоглазого молодчика сжала моё плечо сильнее. Я не обратила на это внимания.

– Почему бы вам просто не оставить в покое и меня, и Яна? Ваш сын уже взрослый, он сам может решить, как жить!

Это подействовало. С жабьего лица Бурхаева слетело равнодушие, он повернулся ко мне, злобно сузив глаза:

– Решать, как жить, украв мои деньги?! Бросив и опозорив семью ради шлюхи?! Да я вас, щенков, всех одной кучей в асфальт закатаю, а сверху танком проеду!

– Вы всё равно их не найдёте! – Я сменила тактику. – Я ничего не поняла в этой записке, не знаю, где они!

Бурхаев дребезжаще рассмеялся:

– Врёшь, пройдоха! Я же видел, как ты из леса вышла – улыбалась до ушей, цвела и пахла! С чего бы?.. Так что всё ты поняла и всё мне расскажешь, не сомневайся.

Я хотела промолчать, но не смогла. Почему-то хотелось разговаривать с Бурхаевым, это казалось безопаснее молчания.

– Отпустите хотя бы Бранко! Он здесь ни при чём.

– Ну нет, вот он-то мне в ближайшее время как раз очень пригодится. – При этих словах отец Яна усмехнулся так зловеще, что я не нашлась с ответом, и остаток пути мы проделали в тишине.

Солнце уже успело подняться в зенит, когда машина затормозила у ворот очередного роскошного особняка, которые что-то зачастили в моей жизни. Но если дом Роба-Романа походил на белоснежный дворец, то здесь был скорее готический замок. Строение из тёмного камня с узкими высокими окнами, в окружении тенистых деревьев и глухого каменного забора.

Меня выволокли наружу. Щурящегося от света Бранко извлекли из багажника.

– В подвал их! – распорядился Бурхаев, направляясь к дому. – Я сейчас подойду.

Так я и оказалась в подвале с единственным крохотным окошком под потолком, с наваленными у стены деревянными поддонами и двумя ржавыми железными стульями, о предназначении которых узнала незамедлительно. К ним бравые ребята пристегнули нас с Бранко наручниками, так что скованные руки оказались за холодными и твёрдыми спинками стульев.

Бурхаев не заставил себя ждать. Спустился, уже переодевшийся из брюк и рубашки в лёгкий спортивный костюм со шлёпанцами на босу ногу. Вид его был бы совсем домашним и безобидным, не окажись в руках подозрительного предмета – чего-то, напоминающего плойку для завивки волос, которыми пользовались девушки в Оазисе, только с деревянной ручкой и загнутым металлическим концом.

Поймав мой настороженный взгляд, Бурхаев улыбнулся и поднял предмет перед собой, демонстрируя нам с Бранко.

– Паяльник. Вещь очень полезная во многих случаях. В нашем с вами – так просто незаменимая.

Я посмотрела на Бранко и увидела, как сильно и резко он побледнел, что было заметно даже в тусклом свете единственной горящей под потолком лампочки.

Бурхаев подключил паяльник к незаметной розетке в стене, поднёс к ладони, удовлетворённо кивнул, положил на пол.

– Пошёл процесс. Пожалуй, приступим.

Остановившись перед моим стулом, он неторопливо извлёк из кармана Яринкино письмо, развернул и зачитал вслух:

– «Найди того, кого ты встретила в лесу, когда потеряла планшет, того, кто поймал, но отпустил нас ночью у церкви». Значится, первый вопрос на повестке дня такой: о ком здесь идёт речь?

Я не ответила: глядела на стену, в щель между кирпичами, где зияла темнота, и думала о том, как здорово было бы стать совсем маленькой, такой, чтобы можно было спрятаться в любом месте, убежать через любое отверстие...

Бурхаев не разозлился на моё молчание. Деловито вернулся к паяльнику, приподнял, подержал над ним ладонь.

– Пусть ещё нагреется, пожалуй. Так что скажешь, расписная? Кого ты должна найти?

А поскольку я снова не издала ни звука, кивнул своим молодчикам, замершим у противоположной стены.

– Освободите-ка нашу гостью от лишней одежды, скоро ей станет очень жарко.

Из одежды на мне не было ничего лишнего – только платье и тонкая сорочка под ним. Платье мне в четыре руки разорвали до пояса, спустили, оголяя плечи и руки до локтей. Сорочку не тронули, хоть от неё, полупрозрачной, толку почти не было, она не защищала ни от подвальной сырости, ни от чужих взглядов.

Бурхаев поморщился:

– Кожа да кости. И что в тебе Доннел нашёл, не понимаю... Так, о ком идёт речь в записке твоей рыжей подружки?

На этот раз я ответила, просто промолчать силы воли уже не хватило:

– Не знаю. Я не поняла.

Отец Яна расстроено покачал головой. Нарочито медленно приблизился ко мне с паяльником в руках, поднёс его к моему лицу, и я, почувствовав жар, инстинктивно подалась назад, вжалась в спинку стула.

– Придётся тебе срочно учиться понимать зашифрованные послания, – с притворным сочувствием в голосе вздохнул Бурхаев. – А я тебе в этом помогу.

Он зашёл мне за спину, замер там. Я тоже замерла, затаив дыхание, каждый миг ожидая жгущего прикосновения раскалённого металла к коже. Но вместо этого вдруг почувствовала, что мне осторожно, почти нежно расплетают косу. Съежила плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.